

Русская Православная Церковь

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

№ 2 (77) 2011
март — апрель

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

**Тема номера: ПРАВОСЛАВИЕ –
НАША НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ?**

- наказание или вразумление?
- реставратор душ
- и храм, и дом, и пруд...

Христос воскрес – и смерти нет!
И больше никогда не будет!
И возсиял над миром свет,
И с Богом примирились люди!
Какая радость на душе!
Как солнце весело играет!
И не до горести уже,
И сердце сладко замирает...
Еще вчера была гроза
И в тучах молнии сверкали,
А нынче небо – как слеза,
Прозрачны голубые дали...

Священник Сергей Гусельников

Христос воскрес! Опять с зарею
Редет долгой ночи тень,
Опять зажегся над землею
Для новой жизни новый день.

Еще чернеют чаши бора;
Еще в тени его сырой,
Как зеркала, стоят озера
И дышат свежестью ночной;

Еще в синееющих долинах
Плывут туманы... Но смотри:

Уже горят на горных льдинах
Лучи огнистые зари!

Они в выси пока сияют.
Недостижимой, как мечта,
Где голоса земли смолкают
И непорочна красота.

Но, с каждым часом приближаясь
Из-за алеющих вершин,
Они заблещут, разгораясь,
И в тьму лесов, и в глубь долин;

Они взойдут в красе желанной
И возвестят с высот небес,
Что день настал обетованный,
Что Бог воистину воскрес!

Иван Бунин

Одна есть в мире красота –
Любви, печали, отреченья
И добровольного мученья
За нас распятого Христа.

Константин Бальмонт

Свидетельство Гермидия, официального биографа правителя Иудеи и автора биографии Пилата:

Приблизившись ко гробу и находясь шагах в пятидесяти от него, мы видели в слабом свете ранней зари стражу у гроба: два человека сидели, остальные лежали на земле, было очень тихо. Мы шли очень медленно, и нас обогнала стража, шедшая ко гробу сменить ту, которая находилась там с вечера. Потом вдруг стало очень светло. Мы не могли понять, откуда этот свет. Но вскоре увидели, что он исходит из движущегося сверху сияющего облака. Оно опустилось ко гробу, и над землей там показался человек, как бы весь светящийся. Затем раздался удар грома, но не на небе, а на земле. От этого удара стража в ужасе вскочила, а потом упала. В это время ко гробу справа от нас по тропинке шла женщина, она вдруг закричала: «Открылось! Открылось!» И в это время стало видно, что действительно очень большой камень, приваленный ко входу в пещеру, как бы сам собою поднялся и открыл гроб [открыл вход в пещеру гроба]. Мы очень испугались. Потом, некоторое время спустя, свет над гробом исчез, стало тихо, как обыкновенно. Когда мы приблизились ко гробу, то оказалось, что там уже нет тела погребенного человека.

Выдающийся врач, сириец Ейшу по приказанию Пилата отправился ко гробу, чтобы провести там вместе с помощниками ночь. Вот его запись:

Мы все – врачи, стража – были здоровы, бодры, чувствовали себя как всегда. У нас не было никаких предчувствий. Мы совершенно не верили, что умерший может воскреснуть. Но Он действительно воскрес, и все мы видели это собственными глазами.

Один из крупнейших в мире знатоков античности академик В.П. Бузескул:

Воскресение Христа подтверждено историческими и археологическими находками с такой несомненностью,

как и существование Иоанна Грозного и Петра Великого... Если отрицать воскресение Иисуса Христа, то нужно отрицать (причем с гораздо большим основанием) существование Пилата, Юлия Цезаря, Нерона, Августа, Трояна, Марка Аврелия, русских князей Владимира и Ольги, Александра Невского, Ивана Калиты, Даниила Галицкого, Юрия Долгорукова и многих других.

Историк Иосиф Флавий:

В это время выступил Иисус Христос, человек высокой мудрости, если только можно назвать Его человеком, совершитель чудесных дел; когда по доносу первенствующих у нас людей Пилат распял Его на кресте, поколебались те, которые впервые Его возлюбили. На третий день Он снова явился к ним живой.

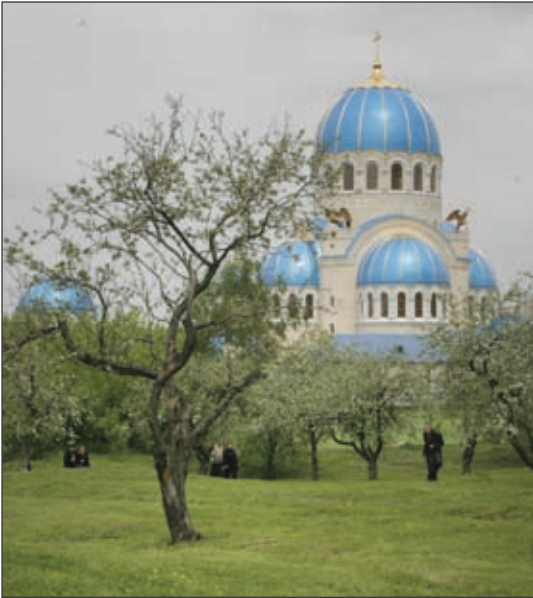
Карл Маркс:

Достоверная история может писаться лишь на основе таких документов, как произведения Иосифа Флавия и равноценные им.

Фридрих Энгельс (в России эти строки никогда не цитировались):

Новейшие каппадокийские открытия обязывают изменить наш взгляд на некоторые немногие, но важнейшие события мировой истории, и то, что казалось ранее достойным внимания только мифологов, должно будет отныне привлечь внимание и историков. Новые документы, покоряющие скептиков своей убедительностью, говорят в пользу наибольшего из чудес в истории, о возвращении к жизни Того, Кто был лишен жизни на Голгофе.

По подсчетам знатока римской исторической литературы академика И.В. Нетушила, число вполне надежных свидетельств о воскресении Христа превышает 210; по подсчетам современных ученых – 230.

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, 73 % россиян относят себя к последователям Православия. Почти 40 % россиян связывают религию с национальной традицией и верой предков, в представлении 26 % наших сограждан религия – это следование моральным и нравственным нормам, для каждого пятого – часть мировой культуры и истории, 17 % считают религию личным спасением, общением с Богом, для каждого десятого – это соблюдение религиозных обрядов и правил церковной жизни, а для 7 % – предрассудок.

Но в духовной жизни народа, в его ментальности есть и другая составляющая его бытия. Национальная идея. В чем она, кого должна объединять, как она сопрягается с религией?

Мы обратились к клирику храма Покрова Пресвятой Богородицы на Лыщиковой горе иерею Андрею Никольскому. Батюшка согласился поговорить с нами на эту тему.

Единство при многообразии

– Точное количество народов, этносов, наций, живущих на Земле, не берется назвать никто. В одних источниках можно прочесть – 800, в других – до двух тысяч. Трудно представить, что у каждого может быть своя национальная идея и что это нормально. Как Вы считаете, отец Андрей?

– Народов на Земле живет и жило действительно много, поэтому, давайте ограничимся рассмотрением только ныне текущего христианского времени. В дебрях истории легко запутаться, нам порой трудно представить, как воспринимали мир люди, жившие 50 лет назад, а как понять это через тысячелетия?

Термин «национальная идея» не имеет точного и даже общеупотребительного смысла. Редко его можно встретить в словарях, разные авторы по-разному его определяют, как и количество самих наций. Я бы рискнул предложить под национальной идеей понимать основание принятого за норму в народе какой-либо страны отношения к себе и к внешнему миру. Например, у китайской нации одно мировосприятие и миропонимание, у североамериканских индейцев – другое, у представителей арабского Востока – третье. Эта разница восприятий основана не на том, что у них различный уровень грамотности, образованности, не на том, что кто-то

лучше или хуже воспитан, не на том, что у одних больше земледельцев, а другие, в основном, скотоводы, а на том, что они просто действительно разные, и даже дети их любят своих мам по-разному, хотя и одинаково сильно. Едва ли возможно в рамках журнальной беседы хотя бы кратко обрисовать эти различия, да и не в этом суть. Главное – они, эти различия, есть. Следовательно, не может не быть различий и в национальных идеях.

И ещё. Национальная идея – это не религиозная идея, хотя религиозное воспитание не может не оказывать влияние на восприятие мира. Но религии принимаются народами не случайно, а, уместно сформулировать, по средству с их мировосприятием, – с национальной идеей.

– То есть национальная идея первична, а религия вторична? Религия занимает подчиненное положение по отношению к национальной идее?

– Совсем не так. Во-первых, в жизни народов от Адама не было безрелигиозных периодов. Все ныне здравствующие народы сформировались под влиянием в том числе и каких-то верований. Вопрос первичности или вторичности так же не может быть разрешен, как у атеистов не решается вопрос, что было раньше: яйцо или курица? Выбор веры у всех происходил в соответствии с их миропониманием, а

исповедуемая религия уже затем сама оказывала обратное влияние. Нерелигиозных народов нет, но далеко не у всех мы можем попытаться определить национальную идею.

– **Поиски национальной идеи стали напоминать поиски человечеством философского камня. Отсутствие внятной или хотя бы приблизительной национальной идеи, кажется, грозит людям развитием комплекса неполноценности. Вы тоже придерживаетесь такого, катастрофического взгляда?**

– Отнюдь нет. Существует много народов (и стран), живущих и процветающих без национальной идеи. Раз так, то она не так уж необходима. Например, англичане давно выразили свое отношение к себе и к миру: «Правь, Британия, морями!» – но вряд ли кто возьмется сформулировать сегодня национальную идею, глядя на румынскую или австрийскую нации.

Страны и народы живут в совершенно разных условиях. По-разному формируются у них и мировоззрение, и мировосприятие. Несмотря на столетние и мировые войны в Европе то, что принято называть Западной Европой, все же достаточно едино, как, например, и славянские народы России. То есть глубинные основы их мировосприятия не затрагивались ни при создании единой Европы Наполеоном, ни

при аналогичной попытке Гитлера, ни сейчас, не говоря уже о мелких междоусобных войнах. Действительно, нашествия чуждых им народов (говорим только об этом тысячелетии) – например, монголо-татар, их реально не затронули. Здесь – одна картина и с национальными и прочими идеями. А вот в исторически зеркальной ситуации, когда европейские страны вторгались в жизнь других народов, для последних особой разницы не было в том, кто именно их захватил – испанцы, французы или англичане. Вы не спутаете по их поведению испанца с англичанином, даже не услышав их речь, но, как видим, в чем-то они совсем одинаковые. Это подтверждает и завоевание Северной Америки, покорявшейся в разных частях разными народами Европы, – везде, в Соединенных Штатах и Канаде, везде всё практически одинаково и в процессе и по результату. Так же и в других частях света.

– **Мы, как всегда, представляем исключение?**

– Представьте, это исторический факт. У нашей страны – не так. Чуждые нам народы не то что теснили – они захватывали нас, или, по крайней мере, пытались это сделать. По подсчетам историков, как минимум две трети второй половины прошлого тысячелетия Россия провела в войнах большей частью с превосходящими силами врагов.

– **Уместно ли в связи с этим привести слова одного из наших святых – благоверного князя Александра Невского: «Не в силе Бог, а в правде?»**

– Да, и подчеркнуть отличие другой национальной идеи – американской – их поговоркой: «Если ты такой умный, то почему не богатый?». То, что все народы глубоко разные, хорошо понимали наши предки: «Что русскому здорово, то немцу смерть». Именно осознание народами нашей страны себя некоей общностью, если хотите – семьей, и помогло сохранить нам независимую государственность. В сплочении перед лицом внешней опасности содержится ответ на вопрос о

собственных идеях отдельных, исповедующих различные верования наших народов. Нас как раз и объединяет общее во многом миропонимание. Это одна из причин, почему никаких межнациональных конфликтов в России царской не было. Позволю некоторое отступление. Прислушаемся к русскому языку, чтобы уяснить важный для нашей страны аспект проблемы. Выражение «национальная русская идея» – на родном язы-

Фото Александра Потапова

ке не звучит. «Русская идея» – звучит. Не забудем только, что слово «русский» – исторически прилагательное (в отличие от *англичанин* и др. – существительные), то есть отвечает на вопрос «какой?», а не «кто?». В Русской идее нет ни национальной обособленности, ни, тем более, национализма. Так же и национальная идея России, собственно, не носит национального характера, и только по аналогии с мононациональными странами может именоваться таковой. Правильнее «государственная» или «державная» идея России, но это тоже не точно.

– **Может, тогда все же Православная идея?**

– Не могу согласиться. Национальная идея – не религиозная идея. Не к Православию присоединились волжские болгары – предки татарского народа. Ведь даже после 1917 года, когда Россия вдруг объявила себя безбожной, от русского народа не оттолкнулись другие. Будь царская Россия действительно, как писалось в советской историографии, «тюрьмой народов», метафорический выстрел крейсера «Аврора» вдрызг бы разнес бы стены этой «тюрьмы». Однако этого не произошло, ведь страна наша от рождения, от первых упоминаний в летописях многонациональна. Всю свою до-революционную, да, можно сказать, и до-перестроечную историю она в равноправии берегла и растила присоединявшиеся к ней народы, вне зависимости от того, сами они присоединились, были покорены военной силой или освобождены от порабощения. Отношения, проверенные столетиями, основанные на глубинной общности, не могли измениться в одночасье, как бы там иные политики не нагнетали страхи вокруг нашей многонациональной семьи. То, что происходит сегодня, я имею в виду обострение межэтнических отношений, считаю, носит не глубинный, не онтологический характер. Оно самой исторической России почти не касается. Границы с Белоруссией и Украиной по сердцам пока не прошли. Но то, что есть, это резу-

льтат в первую очередь нашей общей болезни. Рядом с больными всем тяжело находиться. Будем выздоравливать, всё наладится.

– **Ваш взгляд оптимистичен и не вызывает возражений. Правда, рождает и вопрос. Нет ли опасности в том, что сплоченность народа или нескольких народов вокруг национальной идеи или чего-то еще может привести к самоизоляции и конфронтации с другими аналогичными сплоченностями?**

– Это зависит и от самой национальной идеи. Она может быть изоляционистской, что само по себе еще не так плохо, а может нести в себе и заряд кон-

фронтации. Надо помнить, что разделение народов произведено Самим Богом при строительстве Вавилонской башни. Для того, чтобы люди не объединились в грехе. И оно играет эту положительную роль и сейчас – достаточно полное объединение народов в их нынешнем состоянии, совершенно ясно, возможно тоже только в греховных целях и было бы просто самоубийственно для них. Сами же национальные идеи служат для обозначения различий народов и людей, для осознанного поддержания этих различий, для большего «богатства» мира, для того, что К.Н. Леонтьев называл «цветущей сложностью». Поскольку окружающий нас мир со всем его многообразием создан Творцом для созидания, а не для разрушения, эта же задача стоит перед всеми общественными институтами, в том числе и перед институтом национальной идеи. Иными словами, национальные идеи должны служить поддержанию такого порядка мироустройства, при котором люди могли бы проявлять взаимопомощь и любовь друг ко другу, компенсировать немощи друг друга. И достигать больших результатов, используя сильные стороны каждого. Но всё в нашем мире хорошо в меру. Часто утрированный упор на различия и использовался для того, чтобы науськивать одни народы и страны на другие. Об этом много написано, по крайней мере, с первой войны в Ираке. Сначала у американского народа создавался через средства массовой информации образ Ирака как страны, живущей «неправильно», не по-общечеловечески; затем стал формироваться уже образ врага, несущего реальную угрозу всему «цивилизованному» миру, – акцент на общности этого виртуального мира и отличиях от него Ирака. Когда же народы стран, мнение которых важно для готовивших войну, приняли это точку зрения, – начались боевые действия. Этот подход ясно прослеживается во всех военных конфликтах прошлого и нынешнего веков. И вновь хочется сказать о нас, о России. Столетиями из нас делали жупел для Европы. Но в том-то одно из основных отличий нашей национальной идеи, что даже на вчерашних противников и поработителей мы не смотрим как на врагов. Ни конфронтационных, ни изоляцио-

нистских начал в нашей национальной идее нет. Для нас этой опасности – того, что исповедание нашей «национальной» идеи взрастит в нас ненависть к другим народам, – не существует. Об этом и Достоевский писал, и другие писатели, пытавшиеся понять Россию. Именно в этом моменте наша национальная идея практически полностью совпадает с Православным вероучением.

– **Можно ли на этом основании утверждать, что религиозная идея обладает большей объединяющей силой, чем национальная?**

– На этот вопрос общего ответа, думаю, не существует, да он, честно говоря, и не интересен. В конкретных ситуациях многое зависит от качеств, которыми наделены рассматриваемые народы, от существа исповедуемых ими религий и от самих ситуаций. Народы по-разному религиозны и самобытны, разные ситуации в разной степени затрагивают национальные религиозные чувства. От баланса их отношений всё, в конечном счете, и будет зависеть. И еще, конечно, от того, насколько политики и правительства смогут или захотят убедить свои и чужие народы принять выгодную этим политикам оценку ситуации. В этом, последнем условии коренное отличие нынешнего времени. У правителей, которые призваны быть выразителями и проводниками национальных идей, и у их народов всё чаще обнаруживаются разные, вплоть до противоположных, интересы. У нас в стране, начавшись как минимум с Петровских времен, вообще произошел удивительный процесс. В терминах нашего разговора, можно сказать, что правящие слои общества поменяли носимую ими национальную идею своего народа на чуждую народной – они восприняли идею западноевропейскую и уже много лет пытаются переделать под нее и весь народ. Об этом писал Пушкин. Пример последних двух десятилетий: внушаемая и демонстрируемая народу вседозволенность в земной жизни человека, несмотря на весь ее соблазн, так и не захватила большинства народа. За последние десятилетия в этом достигнуты большие успехи, но до решительной победы, *к счастью*, еще далеко.

– **Верно ли считать, что подлинно национальная идея – это единство**

религии (для нас – Православие)? То есть национальная идея становится, таким образом, наднациональной. Согласны ли Вы с этим утверждением?

– Решительно не согласен. Происхождение у них разное. Национальная идея вырастает из привычек и обычаев, а религиозная – из принятого Откровения. Религиозная и национальная идеи существуют бок о бок, конечно, влияя друг на друга, но не заменяя. Только в Ветхозаветном Израиле была религиозная идея, которая одновременно служила и национальной, но это исключение из общего правила.

– **А можно ли вывести нечто общее для всех религий? Речь ни в коем случае не идет ни о синкретизме и даже не об экуменизме. Но если у людей и народов есть что-то для всех общее, естественно такое же и в исповедуемых ими религиях.**

– С нашей точки зрения, ни одна из мировых религий не призывает к вражде между народами. Те, кто видит причины напряженности между народами в различных религиозных верованиях, не замечают, что в разные времена, разные учителя одной и той же религии по-разному трактуют вероучение в части отношений с соседями. История показывает, что к вражде призывают конкретные религиозные (и не только) деятели из конкретных, обычно корыстных, побуждений. Что же до национальных идей, они могут иметь различное и многообразное наполнение. Но ненависть, вражда, насилие – это извращения в нормальном мироустройстве, в том порядке, который был задуман Создателем.

СКРЕПЫ

Какая бы ни постигла тебя скорбь, не обвиняй в ней никого, кроме себя, и говори: «Это случилось со мной за грехи мои».

Авва Оп

Российский прозаик, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, преподает русскую литературу и ведет творческий семинар в Литературном институте им. Горького. Произведения А.Н. Варламова не раз отмечались высокими литературными наградами. В 1995 году он стал лауреатом премии «Антибукер», в 2006-м – удостоен премии Александра Солженицына «за тонкое отслеживание в художественной прозе силы и хрупкости человеческой души, ее судьбы в современном мире, за осмысление путей русской литературы XX века в жанре писательских биографий», годом позже – Национальной литературной премии «Большая книга».

Выбранная библиография: *Антилохер. История одной премии; Купол (роман); Ночь славянских фильмов (рассказы); Теплые острова в холодном море (повесть); Кунавна (роман); Пришвин, или Гений жизни. Биографическое повествование; Михаил Булгаков (ЖЗЛ); Алексей Толстой (ЖЗЛ); Григорий Распутин-Новый (ЖЗЛ); Все люди умеют плавать (рассказы).*

Сегодня Алексей Николаевич – гость «Лампады». И отвечает на наши вопросы, касающиеся главной темы номера – русской национальной идеи.

Фото Виктора Ахломова

Православие и национально, и наднационально

– Что вообще такое, с Вашей точки зрения, национальная идея?

– Боюсь Вас разочаровать, но думаю, что в изрядной степени химера. Попытка найти облегченные ответы на сложные вопросы. Нужда в национальной идее возникла, если не ошибаюсь, в 90-е годы, когда срочно потребовалось чем-то заполнить идеологический вакуум. Казалось, все будет очень легко, если в подмосковном пансионате соберутся умные головы, проведут мозговой шторм и выдадут на-гора идею, придумают удачный слоган, который радостно подхватит весь постсоветский народ. Был сделан социальный заказ, однако никакой национальной идеи не вышло. Тогда подумали, что подкачал слово «идея», и заменили национальную идею нацпроектом, затеей тоже, на мой взгляд, несколько утопической. Про Сколково, я думаю, рано или поздно будет написан роман вроде «Чевенгура» Андрея Платонова, ежели только появится писатель, хотя бы отдаленно сопоставимый по таланту с платоновским. А вот, кстати, сам Платонов – тот человек, в чьих сочинениях можно очень многое, приближающее нас к сути русского человека, найти. Именно там, в культуре, в литературе, прежде всего, таится то, что зовется национальной идеей или, может быть,

лучше было бы сказать, национальным духом, а в нашем случае русской душой, но выпарить это вещество, изъять его и поставить на службу политике невозможно. При соприкосновении с пиар-технологиями оно рассыплется, улетучится или исчезнет.

– В чем, на Ваш взгляд, могла бы заключаться национальная идея для России?

– Здесь надо идти методом от противного. Надо понять, что *не может* быть для нас национальной идеей, если мы все-таки это понятие принимаем. Деньги не могут быть, а именно это с нами за последние годы произошло: мы живем в государстве с идеологией победившего капитала, и эта идеология приобретает характер все более тоталитарный, противостоять которому в каком-то смысле труднее, чем тоталитаризму коммунистическому. Я не возьмусь утверждать за весь мир, но нечто похожее я видел, когда работал в Америке. Соединенные Штаты – страна, для которой деньги стали ключевым элементом идеологии, однако в краткосрочной земной перспективе эта идеология не несет нации той угрозы, как нам. Американцы окружили деньги такими условностями и степенями психологической защиты, что деньги, если и разру-

шают эту страну, то очень медленно. В Америке о деньгах не говорят, самый неприличный вопрос, который там можно, а точнее нельзя задать: «Сколько вы получаете?» Богатство не принято демонстрировать, а культ денег уравнивается социальным движением, общественной помощью нуждающимся, честностью, законопослушностью, наконец. У нас же маятник социализма качнулся в сторону безжалостного, показного торжества денег. Это то, что еще очень хорошо предвидел Достоевский в позапрошлом веке, когда перед Россией было две угрозы: безбожный социализм и ростовничество. Он пытался предупредить страну от обеих опасностей, но мы последовательно сквозь эти искушения проходим. Одно, заплатив страшную цену, одолели. Одолеем ли второе?

– Не грозит ли ярко выраженная национальная идея обособлением народов, их самоизоляцией, если они живут в одном государстве?

– Это опять-таки зависит от того, что мы под национальной идеей разумеем, но глядя на то, как идут дела в нашем многонациональном государстве, проявление национального в отдельных ее регионах ведет не к изоляции, а к агрессии и смертоубийству.

У нас явно что-то не в порядке с «пятым пунктом», во многих случаях он превратился в момент самоутверждения и угрозы для окружающих. Сейчас часто говорят о том, как хорошо жили мы в советские времена, какая у нас была дружба народов, сколько заключалось смешанных браков, проводилось фестивалей культуры братских республик и прочая, и прочая. Но вспомним, как все в одночасье рухнуло. Дикие погромы в Сумгаите и Молдавии, резня в Чечне, события в Ошской долине и пр. Значит, были проблемы, но их загоняли вовнутрь. А потом они разом выплеснулись, и это продолжается по сей день.

— Нет ли опасности в том, что приращенность людей к той или иной национальной идее может стать причиной столкновений между ними?

— Ответ заложен в самом вопросе, единственное, что мне хотелось бы сказать: к русскому народу все это имеет минимальное отношение. Не потому, что мы лучше, а потому что русского национализма, а тем более русского фашизма, этого либерального пугала, на мой взгляд, просто не существует. У нас хватает других национальных особенностей и недостатков. Но даже печальные случаи, когда называющие себя русскими националистами подростки избивают или убивают таджиков, узбеков, киргизов и иных из наших соседей, есть проявление бессмысленного хулиганства, дикости, а не национальной агрессии. Оно идет не от осознания себя или принадлежности к великому народу с тысячелетней историей, не из чувства ложного национального превосходства, а от местечковости, зомбированности, нелюбопытства, наконец.

— Как Вы думаете: общность религии обладает большей объединяющей силой, чем национальная идея?

— Это все очень по-разному проявляет себя в разные исторические периоды. Так, если верить Л.Н. Гумилеву, в истории средневековой Руси московские князья брали к себе на службу людей любой крови, если те приняли Православие. А иудейская религия, наоборот, националистична и, хотя формально иудеем может стать, наверное, любой человек, на практике — это религия преимущественно

еврейского народа, другое дело, что в современном мире не все евреи к ней принадлежат. Мусульманство охотно «вербует» к себе адептов всех национальностей и стремительно расширяет традиционные ареалы, католицизм переживает глубокий кризис. Китай — едва ли не самая великая страна мира — на сегодняшний день безрелигиозен, а его сосед Индия — страна с очень напряженной, наэлектризованной религиозностью, и по этой причине религиозными противоречиями раздраема. Общий ответ дать невозможно. Можно вспомнить случаи из истории, когда происходили войны религиозные — между католиками и протестантами, между иудеями и христианами, между христианами и мусульманами, но нередко войны вели народы, принадлежащие к одной конфессии. Сказать, что в современном мире, христианство или мусульманство объединяет людей больше, чем принадлежность к тому или иному народу, было бы неточным. Для американцев, например, факт их принадлежности к своему государству важнее религиозных взглядов. У нас же в этом смысле все очень эклектично. Свою национальную идентичность мы осознаем скорее интуитивно, по умолчанию. Как писал Розанов, взглянет русский человек на русского острым взглядом и все поймет. Но что меня очень тревожит — в последние годы политика нашего государства такова, что она либо направлена откровенно против, либо равнодушна к культуре, образованию и гуманитарной сфере. Точнее, даже не так: одной рукой мы об этих вещах заботимся, а другой, более сильной и, если так можно выразиться, деловой, их уничтожаем либо оставляем в небрежении. А между тем культура всегда была скрепой в нашей подверженной разрывам стране, и, изгоняя ее из повседневной жизни, мы рискуем одичать, перестать друг друга понимать и как народ исчезнуть.

— Согласны ли Вы с утверждением, что религия (для нас — Православие) — это идея, скорее, наднациональная, чем национальная?

— Религия — это не идея. И не проект. По крайней мере, наша религия. Попытка относиться к тому, что происходит в душе человека, и к его встре-

че с Богом утилитарно, прагматично обречена на то, чтобы людей от Церкви отдалить. Здесь есть очень тонкая грань между социальным служением и сокровенной, мистической стороной Православия: те два крыла, связанные с именами Нила Сорского и Иосифа Волоцкого, на которые наша Церковь исторически опиралась и чувствовала в них свою силу. В петровское время, если даже не раньше, во времена патриарха Никона, в их равновесии что-то нарушилось. Но именно потому, что церковь попытались поставить на службу идее, с нею случилось то, что заставило Достоевского произнести горькие слова: наша церковь находится в параличе. Кошунственные стихи молодого Пушкина, массовый переход семинаристов в революционеры в середине девятнадцатого века, отход интеллигенции от Церкви, сектантство и прочие печальные явления имели свои объективные причины. Не стоит опять наступать на эти грабли. Наша земная церковь, так много перенесшая в двадцатом веке, не должна становиться орудием в руках политиков, чье время деятельности ничтожно по сравнению с ее историей. И все же, отвечая на конкретный вопрос, я бы сказал так: Православие и национально, и наднационально одновременно. Оно пришло к нам из Византии, мы связаны духовным родством с другими православными народами, но вместе с тем наша религия настолько переплетена с нашей историей, с нашей государственностью, что не только противопоставить, но разделить их невозможно.

СКРЕПЫ

Памятуй бывшее; положишь на Господа в будущем; употребляй во благо настоящее.

Святитель Филарет, митрополит Московский

Скажите, пожалуйста...

 <p><i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i></p>	<p><i>Протоиерей Олег Тэор, настоятель храма Святого Александра Невского в г. Пскове</i></p>	<p><i>Елена Руфовна Фадеева, доцент МПГУ</i></p>	<p><i>Валентин Радаев, 59 лет, помощник члена Патриаршего совета по культуре протоиерея Леонида Калинин</i></p>
			
<p>Что вообще такое, с Вашей точки зрения, национальная идея?</p>	<p>У нас храм во имя Александра Невского. Житие этого святого, можно сказать, и есть воплощенные идеи. Защита Отечества, и власть, и семья, и вера.</p>	<p>Общность интересов, общность задач, общность целей, общность культуры.</p>	<p>Национальная идея – это смысл жизни нации, народа, государства.</p>
<p>В чем, на Ваш взгляд, могла бы заключаться национальная идея для России?</p>	<p>А это я не могу сказать. Вы лучше сами объясните. Потому что я политикой не занимаюсь.</p>	<p>В сплочении православных людей, поскольку Православие является доминирующей религией.</p>	<p>Для России национальная идея заключается в трех словах: Православие. Самодержавие. Народность.</p>
<p>Не грозит ли ярко выраженная национальная идея обособлению народов, их самоизоляции, если они живут в одном государстве?</p>	<p>Думаю, что нет. Ведь наши русские люди жили среди разных народов и религий, сохранили веру, в церковь ходили и даже нам помогли своим образцом.</p>	<p>Нет, не грозит. Потому что Православие призывает любить друг друга, относиться друг к другу по-братски.</p>	<p>Не грозит. Ибо подлинная вера (а не ритуальное камлание) – это вера, объединяющая, а не разделяющая людей.</p>
<p>Нет ли опасности в том, что приверженность людей к той или иной национальной идее может стать причиной столкновений между ними?</p>	<p>Надо найти такой подход ко всему, какой нашел Александр Невский. Он с представителями разных религий сталкивался, а к концу жизни все они стали его уважать.</p>	<p>Такая опасность есть. Если люди отойдут от своей веры, если замкнутся в глухую секту, перестанут слышать других.</p>	<p>Не вижу такой опасности. Ни одна из мировых религий, если, разумеется, она не искажена, к такому не призывает.</p>
<p>Как Вы думаете: общность религии обладает большей объединяющей силой, чем национальная идея?</p>	<p>Думаю, что да. Религия объединяет. И это – главное.</p>	<p>Поскольку эти понятия, по моему, идентичны, между ними нет разницы.</p>	<p>Одно другому не противоречит. Я бы не стал противопоставлять эти понятия.</p>
<p>Согласны ли Вы с утверждением, что религия (для нас – Православие) это идея скорее наднациональная, чем национальная?</p>	<p>Наша Православная вера объединила многие народы не с помощью кулака. Мы стали могучей империей <i>не огнем и мечем</i>. Наша православная вера была как бы зонтиком над всеми.</p>	<p>Нет, не согласна, потому что это национальная идея. Православие всегда было свойственно России.</p>	<p>Пожалуй, да. Хотя можно найти и возражения..</p>

<p><u>Ольга Михайловна Стибунова</u>, 50 лет, менеджер программы «Дети Старицы» Фонда возрождения Свято-Успенского монастыря г. Старицы Тверской области</p>	<p><u>Вячеслав Николаевич Серебряков</u>, 62 года, военный пенсионер</p>	<p><u>Татьяна Кандыбина</u>, 21 год, студентка, г. Ангарск</p>	<p><u>Никита Сергеевич Астахов</u>, 67 лет, художественный руководи- тель Русского духовного театра «Глас», засл. деят. искусств РФ</p>
	<p>фотографироваться отказался</p>		
<p>Все, что человек делает, должно быть согласно с Заповедями Божьими. Если народ живет по этим правилам, значит, это и есть его национальная идея.</p>	<p>Я считаю, что это – равенство всех перед законом.</p>	<p>Сейчас много всяких разных идей, но надо патриотизм воспитывать и христианские идеалы вводить. Это – главное.</p>	<p>Я хочу ответить на все вопросы словами Льва Николаевича Толстого: «Тот, кто служит Богу, – служит людям». Вот мой ответ.</p>
<p>Национальная идея должна быть общей и органичной для многих национальностей. Этого пока, к сожалению, нет.</p>	<p>Национальной идеей в нашем государстве я бы назвал домострой. Там все выражено ясно. В том числе и как создать общность людей, стремящихся к одним и тем же целям.</p>	<p>Национальная идея – это объединение народа. Для этого нужны общие идеалы.</p>	
<p>Если в ней заложены экстремизм и агрессия, то такая опасность, конечно, есть.</p>	<p>Да, есть такая опасность. Особенно теперь, когда люди и так разобщены и эта разобщенность возрастает.</p>	<p>Такие трудные вопросы! Тут надо сидеть долго обдумывать.</p>	
<p>Это зависит от того, насколько четко сформулированы заложенные в них цели.</p>	<p>Конечно. Это вытекает из предыдущего вопроса. Сначала обособливаемся, потом враждуем. Мы это наблюдаем в реальной жизни.</p>	<p>Будут столкновения, если люди не так поймут национальную идею. Мне кажется, надо донести до них ее правильно, чтобы они поняли, объяснить, чтобы не было криминала.</p>	
<p>Я думаю, что да, религия обладает большей силой, объединяющей людей, чем национальная идея, потому что она выше и объемнее. Национальная идея – это узкое понятие.</p>	<p>Да, именно религия обладает не только большей, но, пожалуй, единственной реально объединяющей силой.</p>	<p>Да, религия обладает большой объединяющей силой для людей, больше, чем национальная идея.</p>	
<p>Нет, не согласна.</p>	<p>Да. Я тоже так считаю. Ведь религия не знает ни административных, ни географических границ. Религия проходит через души людей. А душа не имеет национальности.</p>	<p>Наднациональная. Она стоит над народами и национальностями.</p>	

Русская идея: стояние в православной вере ради спасения

Пожалуй, только ленивый не говорил за последние полтора столетия о русской идее. Формулировок ее образовалось столь много, что без специальной подготовки не разобраться. Невольно приходит на ум: а стоит ли вообще разбираться? Множество народов и культур жили и продолжают жить без всякой четко сформулированной идеи и не чувствуют себя несчастными. Почему же именно русская нация столь одержима идеократией?

Все дело в имперском прошлом. Империи никогда не формируются по национальному или этническому принципу. Их всегда организует идея, которой они служат. Так пошло еще от Римской империи с ее *Pax Romana*. Поэтому русская идея не может быть идеей националистической, или, более точно, племенной, вызывающей к голосу крови. Она несет в себе религиозное, мессианское звучание («Москва – Третий Рим», «Православие, самодержавие, народность»). Можно сказать что, в рамках русской идеи всегда были увязаны Православие и самодержавие, бывшие основами традиционного древнерусского средневекового общества. Но с конца XVII века русская цивилизация проходит путь от старообрядческого раскола до революции 1917 года, в результате которых традиционные основы разрушаются. Правда, после 1917 г. советской властью была безальтернативно предложена жесткая идеология, скрывающая общество воедино. Сейчас и такой идеологии нет. То, что предлагалось и предлагается современными либералами, настолько невятно и не соответствует историческому и культурному прошлому нашей страны, что вряд ли может рассматриваться всерьез.

История России последних трех с половиной столетий – череда катастроф. Это всегда уничтожение старого с последующим строительством очередного нового «идеального» общества. В этой головокружительной и кровавой гонке подлинно важен вопрос: насколько русская история едина, чего все время искал русский народ, совершая революции? Ведь если русская идея есть, то она

должна быть единой по сути (пусть и многообразной по форме). Нация, будучи культурно-историческим телом, предполагает свою идею как вневременной трансцендентный замысел о ней Творца: «Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои» (Ис. 55:8). Поэтому нет такого мыслителя, философа или богослова, который мог бы сам выразить эту идею до конца. Правда, в интерпретациях русской идеи, даже весьма смелых, недостатка не было.

Метаистория Московской Руси, можно считать, начинается в Троице-Сергиевой Лавре. Не случайно преподобный Сергей был назван игуменом русской земли. Общенародное значение Лавры никто не оспаривал, даже большевики, которые декретом от 20 января 1918 года национализировали её, передав историко-художественные ценности в ведение наркомата просвещения. При Лавре была создана комиссия по охране памятников искусства и старины, ученым секретарем которой стал о. Павел Флоренский. На самом деле это было попыткой обосновать необходимость дальнейшего существования этой общенациональной святыни именно в качестве монастыря, тем самым сохранив Лавру в ее сакральной неприкосновенности. Однако комиссия просуществовала недолго и в следующем, 1919 году была распущена.

Образ преподобного Сергея был более всего ненавистен большевикам. Они кощунственно вскрыли его мощи, устроив из этого антирелигиозную акцию и зафиксировав ее на киноплёнку. Фильм потом демонстрировался по всей Советской России, а сами мощи были помещены в стеклянной витри-

Даниил Викторович Семиконов преподает в Нижегородской духовной семинарии. В «Лампаде» печатается не в первый

не на всеобщее обозрение. Такой агитационный накал вокруг святого не случаен и подтверждает правоту Флоренского, считающего именно его выразителем сокровенных чаяний русского народа, то есть искомым нами русской идеи.

В преподобном Сергии, считает о. Павел Флоренский, выразило себя то, что позволило поработенному татарам русскому народу стать создателем великого Московского государства. «Великое есть синтез того, что по частям фосфорически мерцало во всем народе; оно есть слово, к которому сходятся бесчисленные нити, давно намечавшиеся в истории. Но тем не менее это оно именно творчески синтезирует смутные волнения, изливая их в одном слове»¹. Что же это за слово? Это слово – Троица, и Флоренский отдает Преподобному всемирно-историческое первенство в Ее почитании. «Это слово, хотя бы и произнесенное ранее, сознательно и полновесно было, однако, произнесено впервые им»².

Флоренский утверждал, что именно с почитанием преподобным Сер-

¹ Флоренский П.А. Троице-Сергиева Лавра и Россия. С. 360.

² Там же. С. 361.

гием Пресвятой Троицы связано развитие триадологического богословия на Руси и строительство Троицных храмов. Следует, правда, отметить, что почитание Святой Троицы характерно как для византийского Востока, так и для католического Запада ранее. Но это не снимает вопроса: почему почитание Троицы столь распространяется именно в этот период русской истории? Ведь человек верующий ничего не может считать случайным. Флоренский задает такой вопрос и находит тому метаисторические предпосылки.

Эпоха преподобного Сергия — это пик борьбы русского народа за независимость от Золотой Орды, время Дмитрия Донского и Куликовской битвы. Москва объединяет русские земли. В этом ей усердно помогает Церковь, поддерживая именно московских, начиная со святителя Петра, князей. Единосущие Святой Троицы, по мысли о. Павла, метафизически предопределяет стремление к единству против греховной разделенности. «Чтитель Пресвятой Троицы, преподобный Сергий строит Троицкий храм, видя в нем призыв к единству земли Русской, во имя высшей реальности. Строит храм Пресвятой Троицы, «чтобы постоянным «взиранием на него, — по выражению жизнеописателя преподобного Сергия, — побеждать страх перед ненавистною разделенностью мира. Троица называется Живоначальной, то есть началом, истоком и родником жизни, как единосущая и нераздельная, ибо единство в любви есть жизнь и начало жизни, вражда же, раздоры и разделения разрушают, губят и приводят к смерти»³.

Данная концепция о. Павла Флоренского становится общепризнанной, она же применяется и к иконографии преподобного Андрея Рублева, чья знаменитая икона Святой Троицы, по мнению ряда искусствоведов, выражает эту же социальную концепцию. Вслед за о. Павлом они повторяют слова «жизнеописателя», что «Сергий строит храм Троицы, дабы

воззрением на св. Троицу побеждался страх ненавистной розни мира сего. Такой именно смысл раскрывается и художественным языком произведения, выражающим идеал единения и гармонии»⁴.

Гармония любви между Ипостасями Троицы при единстве Сущности становится архетипом социального устройства Древней Руси. Вспомним: «... дабы воззрением на Св. Троицу побеждался страх ненавистной розни мира сего». Может, это и есть Русская идея? Эта фраза приводится всегда без конкретных ссылок на первоисточник, то есть на «Житие преподобного Сергия». Однако в самом тексте Жития, составленном Епифанием Премудрым, этой фразы нет⁵. В комментариях к статье о. Павла Флоренского указано, что источник не установлен, но в качестве возможного названа книга кн. Е.Н. Трубецкого о русской иконописи. Действительно, у него мы опять находим ту же фразу, причем опять-таки со ссылкой на жизнеописателя Сергия, но конкретной сноски нет⁶.

Возникает подозрение, что Е.Н. Трубецкой мог заимствовать саму идею о Троице как социальном архетипе у своего учителя, Владимира Сергеевича Соловьева. Тот был увлечен триадологической тематикой, имеющей явно прокатолическую направленность. Но именно такой формулы мы не находим и у него.

Поиск источника этой фразы уводит нас не на католический Запад, а на Восток, в сердце Средней Азии, город Верный (ныне Алматы), где в 1906 году была издан первый том «Философии общего дела» Николая Федоровича Федорова, создателя, быть может, самой грандиозной утопии в истории человеческой мысли,

⁴ Брюсова В.Г. Андрей Рублев. М., 1996. С.41.

⁵ См. академическое издание: Житие Сергия Радонежского, составленное в 1418 г. Епифанием Премудрым // Клосс Б.М. Избранные труды. Т.1. Житие Сергия Радонежского. М.: Языки славянской культуры, 1998. С. 285-342.

⁶ См.: Трубецкой Е.Н. Умозрение в краях. М., 1916. С. 12.

потрясающей воображение интерпретацией русской идеи.

В полном согласии с христианской традицией, Федоров обращает внимание на то, что главный враг человечества — смерть. Заметим, что именно в христианстве проблема смерти поставлена наиболее остро, так как в большинстве других религиозных систем смерть — естественное свойство человеческой природы. Христианство же утверждает, что человек по природе существо бессмертное, смерть входит в мир с грехом Адама. После его грехопадения у человечества остается единственный метод борьбы со смертью — деторождение. Таким образом, начинается круговорот истории, основанный на смене старших поколений младшими, что приводит европейскую культуру к идее прогресса. По мысли Федорова, этот процесс порождает крайний индивидуализм и разделение в обществе. Сословное деление, вражда между разными культурами и народами — следствие стремления к власти, к превосходству, к успеху на пути безграничного прогресса.

Выход из этой безумной гонки, порожденной и порождаемой смертью, только один — обратное движение от сыновей к отцам, предполагающее воскрешение предков путем объединения усилий всего человечества. Как ни покажется странным, но ученый опирается при этом на христианский догмат о Троице.

В 1892 году православная Россия вспоминала 600-летний юбилей преподобного Сергия Радонежского. Будущий глава РПЦ митрополит Антоний (Храповицкий), тогда еще архимандрит и ректор МДА, произнес актовую речь под названием «Нравственная идея догмата Пресвятой Троицы». В ней он показывал необходимость нравственного приложения догмата Троицы, призывающего христиан к единству по образу единосущия Ипостасей Пресвятой Троицы. «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, [так] и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня», — говорит нам

³ Там же.

Спаситель в Евангелии от Иоанна (Ин. 17:21). Единосущие Лиц Святой Троицы – онтологическая основа любви и единства между людьми. И вот что говорил в связи с этим архимандрит Антоний: «Таким образом образуется по подобию Троицы, нераздельной и неслиянной, новое существо – Св. Церковь, единая по существу, но множественная по лицам... Наш Божественный Учитель потому и открыл нам учение о Пресвятой Троице, чтобы мы... *взиранием на Св. Троицу побеждали страх перед ненавистною разделенностью мира* (sic! – С.Д.), отражающуюся и в сердце каждого, несовершенного еще, христианина»⁷. То есть у архимандрита Антония мы встречаем ту же фразу, но в ином контексте. Во-первых, она не связана с преподобным Сергием, во-вторых, речь идет о Церкви как обществе святых, противопоставленной миру, а не средневековой Руси, противостоящей монголам.

Сам Федоров, рассматривая речь архимандрита Антония, говорит, что слова «Да будут все едино...» из Евангелия от Иоанна дают надежду на преодоление общечеловеческой розни. Он настаивает на том, что слова эти надо применить ко всему миру, причем самым практическим образом. Он пишет: «Объединенная церковь требует от каждого жизни

не для себя только, но и не исключительно для кого-нибудь другого – для других, – а со всеми и для всех. Эта церковь есть объединение всех живущих, сынов и дочерей, в молитве за всех умерших, как выражении дела Божия»⁸. Пример такого объединения, утверждает Федоров, и дал нам преподобный Сергий, так как он «более всех приблизился к учению о Троице как образцу для людей, взятых не в отдельности, а в их совокупности, ибо он, введя в Московском государстве общежитие, которое было восстановлением первоначальной христианской общины, общины апостольского дела, у которой было одно сердце и одна душа, поставил храм Троицы, по выражению жизнеописателя Преподобного, как зеркало для собранных им в единожитие, чтобы “взиранием на Святую Троицу побеждался страх перед ненавистною разделенностью мира”»⁹.

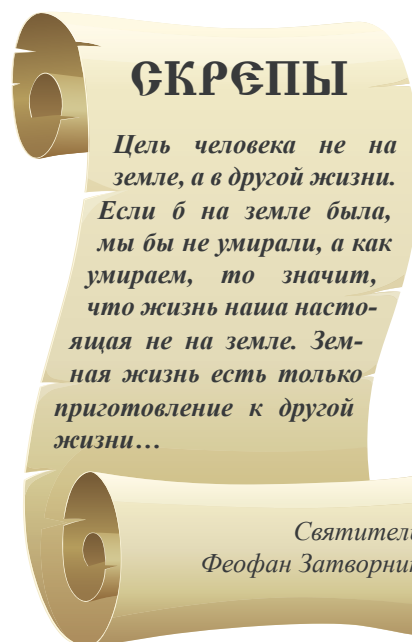
Преподобный предстает тем, кто спас Русь, дав ей практическую идею, способную объединить ее и в противостоянии исламу, в лице Золотой Орды, принявшей ислам при хане Узбеке, и католическому Западу.

«Создав Лавру во имя Троицы, которая способствовала и собственному объединению, и освобождению от татар, а также отражению и Западу, Московская Русь, быть может, и не думала, а только чувством постигала, что в *Троице неслиянной* заключает-

⁷ Антоний (Храповицкий), архим. Нравственная идея догмата о Пресвятой Троице // Богословский вестник. 1892. Т.3. № 11. С. 171.

⁸ Федоров Н.Ф. Общее дело. Т. 1. С. 36.

⁹ Там же.

СКРЕПЫ

Цель человека не на земле, а в другой жизни. Если б на земле была, мы бы не умирали, а как умираем, то значит, что жизнь наша настоящая не на земле. Земная жизнь есть только приготовление к другой жизни...

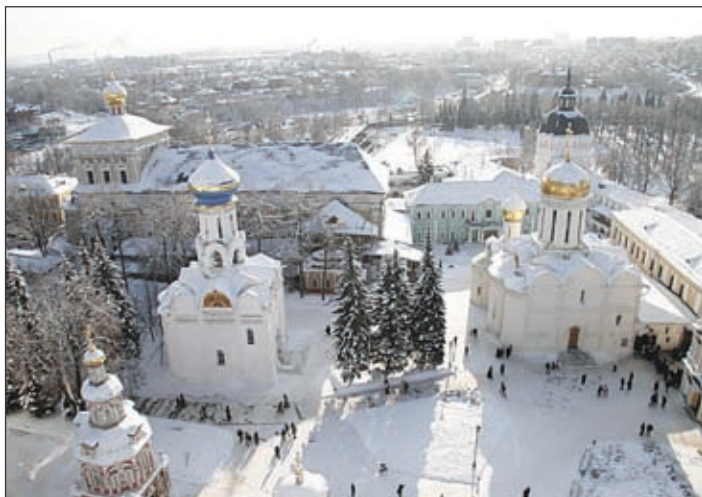
Святитель
Феофан Затворник

ся обличение ислама, а в *Троице нераздельной* – обличение Запада и его розни»¹⁰. Ислам проповедует рабскую верность Аллаху, то есть повиновение року, природным законам, Запад же воспеваает крайний индивидуализм. А цель человеческой истории в ином – в преодолении индивидуализма через объединение в борьбе со слепым законом природы, то есть со смертью. По Федорову, все человечество должно соединиться для этой задачи, и он призывает к этому служению верующих и неверующих, ученых и неученых. Фактически проект Федорова – это грандиозный замысел превращения всей природы в храм,

¹⁰ Там же. С. 55.

Апполинарий Васнецов. Так начиналась Лавра

Троице-Сергиева Лавра. Наши дни

расширение границ Церкви до пределов Вселенной. И центральную роль, по мнению Федорова, в этом должна сыграть именно Россия, в этом ее исполнение миссии «Москва – Третий Рим», так как русское «самодержавие есть хранитель нашего единства, не русского только или славянского, а вообще единства человеческого рода, ибо оно стоит в праотца место... Как самодержавие стоит в праотца место, так и кремль 3-го Рима стоит в ... Эдема место»¹¹.

Но слабые стороны «федоровского проекта» вполне очевидны. Это слишком буквальное, даже вульгарное понимание трансцендентных процессов бытия, поле чего остается слишком много вопросов и слишком мало ответов. Допустим, все без исключения человечество самоотверженно объединится ради воскрешения праотцев, реализовав закон любви и отказавшись от насилия. Как это возможно в нашем падшем мире? Силой? Но где тогда любовь? Да и само по себе воскрешение, случись ему быть, не решает проблемы греха. Чтобы победить смерть, грех необходимо изжить. Это первое и главное условие. Даже если мы научимся бороться со смертью, это ничего не даст, так как грех останется, останутся и зло, и страдание.

Сам Федоров не был ни материалистом, ни, тем более, революционером. Он проповедовал именно Царство Божие, но не сходящее с неба, а

созидаемое земными людьми, и в этом его главное религиозное заблуждение, ибо негоже человеку подменять собой Бога. Эти попытки предпринимались не раз, начиная с Денницы и кончая российскими большевиками, и мы знаем, к чему это всякий раз приводило. И здесь мы подходим, может быть, к самому важному пункту. Концепция Федорова как воплощение русской идеи безнадежно утопична. Как, впрочем, любая идея, имеющая некий мессианский привкус. Мессия уже пришел, Христос – здесь, и Царство Его посреди нас. Федоров хочет отменить апокалипсические пророчества, которыми наполнены и Ветхий и Новый Завет. Для него это угрозы Бога человечеству, которые не обязательно сбудутся. Как пример он приводит историю с пророком Ионой, проповедавшим в Ниневии грозное пророчество, заставившее ассирийцев покаяться, и их покаяние отвратило гнев Божий. Выполнение «Общего дела» человечеством отменит Страшный суд и спасет всех? Если человечество не пожелает выполнить возложенную на него Богом миссию, то и будет Страшный суд, но Федоров верит в иное. Если мы обратимся к Апокалипсису Иоанна Богослова, то станет ясно, что все там описанное неизбежно, это не пророчество, а символическое отображение грядущего, открытого апостолу Богом, Который пребывает вне времени. Зло и смерть будут изжиты только после конца этого мира, история которого началась с грехопадения.

Что опасного в мечтах? Разве грех надеяться на всеобщее спасение? Мечта уводит нас от реальности, в которой уже дан путь в Царство Божие. Этот путь знали наши предки. Преподобный Сергий не строил глобальных

геополитических проектов. Он искал путь к спасению и ради этого содействовал возрождению общежительного монастыря, некогда основанного на Руси преподобным Феодосием, но угасшего из-за исторических бурь. Возрождение, у истоков которого стоял преподобный Сергий, вознесло Московскую Русь, видевшую свою задачу не в решении общекоsmических вопросов, но в сохранении вселенской истины Православия. В этом была и изначальная суть концепции «Москва – Третий Рим». Москва стремилась не к имперскому могуществу, но пыталась сохранить за собой эсхатологическую роль хранителя православной истины (катехона). В XVII веке верх взяло государство, после старообрядческой трагедии оно подчинило себе Церковь, после чего попыталось заставить всех жить на иноземный лад. Вследствие этого в XIX веке и появляется концепция «русской идеи», которую нашим предкам и не потребовалось бы искать, настолько она была очевидна. Соловьев, Достоевский, Федоров и их последователи увлекаются поиском в будущем того, что было утеряно в прошлом. Да и Церковь, поработанная государством, обросшая бюрократическим аппаратом, внешне утрачивает черты эсхатологического царства. Все это вместе и приводит к многообразию разных видов «русских идей», одна из которых восторжествовала в 1917 году.

В наши дни, когда Православная Церковь свободна от государственных уз, она опять должна стать вратами в Вечность. Государственные и национальные интересы не ее прерогатива, но само государство и культура получают благословение от нее. В противном случае общество начинает строить очередную Вавилонскую башню.

Ревность к спасению себя и близких, предполагающая стояние в православной вере, сохранение национальной культуры и преемственность исторического самосознания, связывающего нас с нашими предками, – вот, собственно, та русская идея, которую нам завещали те, кто строил Московскую Русь.

¹¹ Там же. С. 378.

У раки с мощами Преподобного

За что или для чего?

Человеку крепко досталось. Скорее всего, он воскликнет (или задумается): за что? И крайне редко – для чего? А следовало бы чаще задаваться этим, последним вопросом. Почему так? – православные люди в большинстве знают это. Однако и они нередко вопрошают Бога: за что?

По нашей просьбе, размышлениями на эту тему делится с Анастасией Гурьяновой иерей Михаил Шполянский.

Батюшка живет в селе Старая Богдановка под Николаевом, на Украине. Он автор нескольких популярных книг. Умение автора говорить о вещах «неизъяснимых» языком живым, доступным современному читателю, делает его книги исключительно востребованными. В 1970–1980-е годы о. Михаил закончил вуз, работал инженером-кораблестроителем, в лесничестве и на стройке, в бригаде по декоративному оформлению помещений. В 1990 году в возрасте 34 лет рукоположен в иерея. С конца 1990-х годов руководит детским домом семейного типа.

«Мой анабасис*-3» – продолжение ранее изданной книги о. Михаила Шполянского «Мой анабасис», хорошо принятой читателями. Содержание этих книг – открытое и душевное повествование о жизни нашего современника, автор делится своими воспоминаниями – искренними, проникновенными, местами смешными и курьезными.

СПОСОБ ОСТАТЬСЯ АНОНИМНЫМ

Все в мире – в руках Божьих. «...и волос с головы вашей не пропадет» (Лк. 21:18). Но, следовательно: скорби, бедствия, трагедии – тоже от Него? Однако Бог благ и не может быть источником зла. Попытку разрешить эту антиномию делает апостол Иаков: «Бог не искушается злом и Сам не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью» (Иак. 1:13). В православной традиции это выражается формулой «Бог попускает». Считается, что скорби есть поущение Божие: наказание и вразумление.

Но тут возникает вопрос: так что именно? Наказание? Или вразумление? Иногда то, а иногда иное? И как это различить, как не спутать? Да и вообще – верно ли такое деление?

Можно сказать, вопрос стоит ребром: попущенная скорбь – это «За что-то»? Или «Для чего-то»?

Я убежден, что ответ на этот вопрос однозначен: именно «Для чего-то». Для вразумления, для помощи, для раскрытия промысла Отца о нашей жизни. Вовсе не месть за проступок и не «чистилищная» отработка доли адских наказаний.

В одной из книг я писал по этому поводу:

Мне кажется, в жизненных коллизиях, в скорбях и испытаниях нужно думать – не «За что мне это послано?», а «Для чего мне это послано, что я должен в результате этого по-

* Анабасис – греч. восхождение

нять, сделать, ОБРЕСТИ?» Первое неизбежно ведет к смущению и растерянности (за исключением случаев самоочевидных, но тогда и вопросов не возникает). Второе – учит доверию, терпению, рассудительности, труду понуждения себя к лучшему и, в конце концов, к благодарению.

Как мне кажется, сказанное самоочевидно и не нуждается в особом толковании: достаточно каждому задуматься и в этом ракурсе оценить происходящее с ним.

Есть и другая сторона медали: действия Господа всегда прикровенны. Чаще всего скорби посылаются нам как случайность или роковое стечение обстоятельств. Да, именно это и есть – «способ Бога остаться анонимным» (Эйнштейн). Человек должен осознать глубинную неслучайность происходящего. Причем осознать не в насилии «сверхволи», но свободной верой понять и принять вразумление.

Расскажу одну историю, как случай крайний, экстремальный, но потому и чрезвычайно показательный.

* * *

Услышал я её от близкого человека, батюшки старшего поколения, человека большого житейского и духовного опыта:

– Служивший в нашем городке священник после войны принимал сердечное участие в судьбе детей, оставшихся сиротами, беспризорными. Нескольких он принял в свою семью, воспи-

танниками. Среди них была девочка-подросток, почти девушка. Город был полон вернувшимися с фронта победителями: бравые молодые солдаты и еще более бравые, шикующие трофейными редкостями офицеры. Рестораны, танцы, дорогие вина, красивые наряды. Девочка же росла красавицей и буквально день ото дня созревала как женщина. И, соответственно, не была обделена вниманием ухажеров. Вечера в ресторанах, хмельные возвращения под утро. На возрастной ценз в то горячее время внимания обращали мало, да и то: поповская дивчина.

Батюшка был в большом смущении и расстройстве. Все его молитвы о вразумлении заблудшей плода не приносили; на то ведь нужна и добрая воля того, о ком молятся. И тогда батюшка пошел на крайний и почти невозможный шаг: он начал молиться Господу о том, чтобы Тот послал воспитаннице тяжкую болезнь или травму, которая бы её остановила.

Так всё и случилось. Вскоре девочка неудачно упала и сломала ногу так сложно, что ей пришлось несколько месяцев пролежать на вытяжке. Выписалась из больницы она совсем другим человеком – морок горячечных страстей оставил её...

Не приведи Господи воспользоваться кому-то этим рецептом. Это тот особый, харизматический случай¹, кото-

¹ Кстати, уже в наше время тот батюшка был причислен к лику новомучеников – за исповедание веры, подвиг, который он понес в дальнейшей своей жизни.

рый может быть только образом, но не примером. Уникальность этого случая дает нам возможность в очищенном от второстепенных деталей событии увидеть выкристаллизованную связь: попущение скорби – осознание «для чего?» – исправление.

* * *

Мне всю жизнь, и донныне, приходится учиться видеть в происходящих «случайностях» руку Божию. И зачастую только через долгое время удается осознать: «Для чего?»

Одним из самых больших камней преткновения на пути моего иерейского служения было изгнание из храма в 2003 году². Из храма, к которому я был рукоположен по просьбе его прихожан. Из храма, который за 12 лет моего в нем настоятельства был преображен от фундамента до верхушек куполов, в котором я и вся моя семья трудились все свободное время и куда вкладывали все имевшиеся у нас средства (частично даже от продажи городской квартиры), община которого от пяти-семи человек в 1990 году выросла до многих десятков (на праздники – сотен) прихожан к началу 2000-х.

Происходило изгнание, как нередко водится, с применением самых безнравственных средств, с особыми иезуитскими вывертами. Не удивительно, что переживал я это очень болезненно: первое время, поддерживаемый прихожанами, отчаянно боролся, впадал в страстные состояния. Затем – горевал, обижался, осуждал, мучился безысходностью; много лет мне чуть ли не каждую ночь снились богослужения в нашем храме³.

Все это время я пытал себя: «За что?». За тщеславие и самоуверенность? За лицепрятие и сластолюбие? Все это было и есть, но... Или – неужели за то, что не позволил себе переступить через свою совесть во Христе

² С января по февраль 2003 года я был запрещен в служении «за непочтение к архиерею». Затем решением синодальной комиссии в служении восстановлен, но решением правящего архиерея переведен на другой приход (куда перевезли нашу большую семью – детский дом никакой возможности не было). Летом 2003 года я вышел за штат по состоянию здоровья. В этом состоянии пребываю и донныне.

³ А обстановка была такова, что я не только сослужить возможности не имел (несмотря на все права заштатного священнослужителя), но и войти в храм было невозможно.

и совершить подлость ради «спасения общины»? Может ли быть, что отказаться от «ветхого человека» в себе означает отказаться от своего предстания пред Господом? Неужели я *так* запутался?

И только по прошествии пяти лет я очнулся. Я понял, что происшедшее – дар Божий. Что мне просто с самого начала следовало, не впадая в сети самоедства и сомнений, принести Господу покаяние в своих ошибках и слабостях и далее постараться понять: «Для чего?». Что дальше? А дальше была бесконечность милости Божией. Если бы не происшедшее, я никогда не смог бы обрести то, что стало содержанием последующих лет. Написание и издание десятка книг. Встречи, беседы, а иногда и дружба с удивительными людьми: Никитой Струве, Сергеем Аверинцевым, Николаем Лосским, Антоном Аржаковским и многими другими. Участие в многочисленных богословских конференциях и проектах. Переезд с семьей на Кинбурнскую косу, в мир гармонии и чистоты⁴. И при этом – служение там и тогда, когда этого требовали обстоятельства и сердце (что возможно только заштатному священнику). Исчезла необходимость лицемерить, выполнять бессмысленные функции, подчинять свою жизнь правилам мертвой буквы. Иначе говоря – я получил величайший дар свободы во Христе.

Смирненное приятие попущенного Господом, доверчивая открытость к тому *новому*, что ниспосылается Отцом, – это и есть путь познания «Для чего?». Это то, что (как я уже писал) учит доверию, терпению, рассудительности, труду понуждения себя к лучшему и, в конце концов, к благодарению.

* * *

Но не только в таких «великих» событиях очевидно присутствие руки Божией. Вот несколько мелких и даже забавных примеров буквально из последних месяцев моей жизни.

Была у нас надежда осенью выехать на недельку в Черногорию, навестить друзей. В связи с этим возникла необходимость поменять водительские права. У меня были уникальные, еще советских времен, с серпом и молотом. На фотографии я там – юный студент. Но, как ни странно, на территории Украины эти права были действитель-

⁴ А еще – к 2010 году я настолько ослабел здоровьем, что полноценно нести настоятельские труды не смог бы уже и физически.

ны. Однако для поездки в Европу они очевидно не годились. Можно представить себе реакцию полицейского, которому подадут права гражданина СССР!

Пришлось заняться обменом прав. Из-за спешности идти обычным многомесячным путем было невозможно. Как всегда в таких случаях, за помощью обратились к доброму знакомому. Тот обещал посодействовать, ускорить процесс. Хотя, конечно, от оплаты за обмен документов освободить не мог. А оплата оказалась немалая – 200 евро, что для нас сумма очень чувствительная.

Между тем, знакомый из ГАИ уехал в командировку на неделю, связи с ним не было. А за это время стало окончательно ясно, что никакая Черногория нам не светит, стало быть, и права менять незачем. Очень кстати, так как необходимую сумму собрать не удалось.

А через несколько дней неожиданно звонят нам из ГАИ и говорят, что по просьбе NN все для меня подготовили, нужно приехать с медсправкой, фотографиями и чеком на оплату. Тут уж деваться было некуда: подвести друга нельзя. Медсправка уже на руках. Деньги изыскали и оплатили в кассу. Поехал делать мгновенную фотографию. Одет был при этом в костюм. Фотографию сделали. На следующий день отправился в ГАИ. Все приняли, кроме фотографии: не тот формат. Поехал перефотографироваться (а в этот день я был в рясе, с крестом). Через несколько часов получил новые права, на которых запечатлен портрет толстого попа с туповатостерянным выражением лица.

Потраченные 200 евро существенно подкосили бюджет; я роптал.

Дней через пять еду в своей машине на косу. Одет «по гражданке». По дороге грызу морковку. Вдруг морковка выскальзывает из руки и падает между креслами. Я уменьшаю скорость, наклоняюсь и шарю под сиденьями. Над приборной доской только лоб и глаза. Морковка не находится, я упорствую. Так и еду. А тут впереди – херсонские гаишники. Станный вид автомобиля с водителем, который прячется, еле выглядывая из-за приборной доски, очень их возбудил. Гаишники забегали, заматали палочками, один даже выскочил на проезжую часть впереди меня. Я, естественно, остановился. Но поиски морковки не прекратил. Гаишник потребовал выйти из машины и предъявить права. Вышел. В общем-то, нарушать я не нарушал, однако и не все было в по-

рядке. Просрочил немного техосмотр, а содрать за это могли сколько угодно, хоть 200 евро; вплоть до штрафплощадки. Но... Гаишник внимательно исследовал мои документы, сличил фотографию на правах с оригиналом и, отдав честь, сообщил: «Счастливого пути, батюшка! Удачной дороги!».

– Спасибо. Вот только морковку найду...

* * *

Ну что же, кому-то история о правах может показаться искусственно притянутой к теме: обычная житейская коллизия, мелочь, к которой подвязывать участие Бога даже и неблагоприятно⁵.

Но вот история столь же житейская, столь же недавняя, но такая, что не увидеть в ней очевидность присутствия руки Божией невозможно.

На Кинбурнской косе, рядом с нашим домом, есть небольшая, но очень уютная роща. С первого года роща стала центром нашей семейной жизни и общения с друзьями: места для палаток, уютные закутки, кострище, стол и стулья, лежащие в качестве скамеек стволы деревьев, цветные фонарики, музыка. Первоначально в самом углу рощи рос небольшой куст ежевики (занимал не более квадратного метра). Внимания на него мы не обращали. А зря. Ежевика – кто не знает – растение необычайно цепкое и непреодолимое: длинные плети с большими, зацепистыми шипами, мочалистые стволы веток, неостановимая экспансия на окружающую территорию. Сначала

⁵ Я полностью разделяю мнение о.Олега Чекрыгина о том, что малые чудеса есть повседневный дар милости Божьей. Господь словно отечески гладит нас по голове и говорит: «Все в порядке, не волнуйся. Я рядом, все под контролем».

места было много, разрастающуюся проблему мы не замечали. Затем места стало мало, но было уже поздно. Ежевика за несколько лет заняла десятки квадратных метров рощи, окружила кострище, забила проходы между деревьями, колючим пологом нависла над палатками. Слабые попытки бороться с помощью секатора и лопаты давали мизерный и кратковременный результат. В один из дней я ходил по роще, смотрел на неукротимую ежевику и думал: что же делать? А так как что-либо сделать было невозможно, махнул рукой: что будет, то будет...

Дня через три мы с семьей на пляже Кинбурна. Звонит телефон. Знакомая женщина говорит, что ей кто-то передал, что у нас горит роща, дым. Я не слишком обеспокоен. Дело в том, что перед отъездом я оттащил в сторону от кострища, на пустое место, дымящийся со вчерашнего вечера огарок полена. Так, тонкая струйка дыма. Видать, кто-то увидел и передал. А уж «испорченный телефон» – дело известное. Но все же, на всякий случай, звоню соседу Юре, прошу посмотреть. Перезваниваю: «Да, пожар был, но ничего не пострадало, все уже потушено». Собираемся, едем домой.

Захожу в рощу. Шок. Следы большого пожара: горели кусты, сухая трава, до тла выгорел штабель дров. Площадь пожара – десятки квадратных метров. Кое-где еще курятся тоненькие струйки дыма.

И при этом – все очень странно. Огонь по сухой траве, как по пороху, расплескивался во все стороны. Дошел до двух деревянных домиков – и погас. Обошел кругом площадку (почти в центре пожара!) с расставленными пластиковыми и деревянными столами и стульями – и ни одного не только обгоревшего, но и закопченного! Языками прошел под низкими сводами маслин и между тростинками молодых акаций – но ни одно дерево не сгорело! От боковой стенки нейлоновой палатки огонь горел сантиметрах в тридцати – и ни одной подпалины; только сверху, куда на тент палатки падали горящие листья с крон высоких акаций (!), – несколько прожженных отверстий. Но особенно поразил меня тент, обычный пляжный пластиковый тент на четырех стойках. Он стоял в роще, и под ним был песочник для игры малышей. Там же, возле стойки, большая картонная коробка с пластмассовыми игрушками. Огонь прошел под (!) тентом языком, и спалил за ним большое поле сухостоя.

По дороге зацепил ящик с игрушками. Ящик сгорел; от него остались несколько кусков черного картона и лужа полностью расплавившейся пластмассы. И при этом – тент над ними не поврежден и даже совершенно не закопчен!

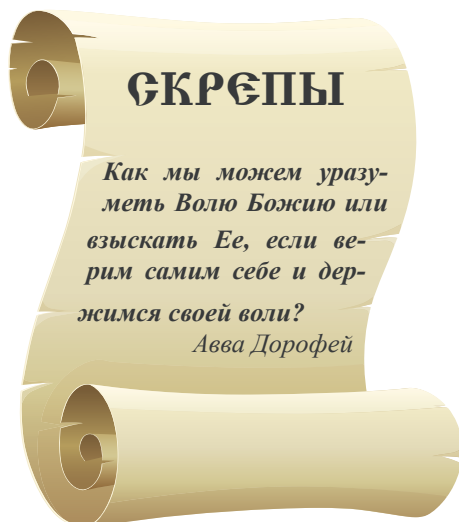
Но на все эти странности внимание я обратил не сразу. А первоначально – шок: что же это такое? За что, почему, зачем? Как произошло?

Как произошло, рассказал мне Витя Дьяченко, который и тушил пожар. По его версии, кто-то из проходивших мимо людей бросил окурок нам через штaketник. Огонек попал в глубину густо устланных сухими листьями ежевичных зарослей. Жара, сухость. Пожар начался, видимо, очень быстро. Затрещало. Так бы и сгореть всему, с рощей и домиками. Но в этот момент мимо забора на своем «Паджеро» проезжала соседка Аня: женщина молодая, изящная, красавица. А ехала она за морковкой (опять морковка!). Собралась варить борщ, и оказалось, что морковка кончилась. Пришлось ехать в магазин. А тут – пожар. Аня позвала Витю, они попытались запустить электронасос у нас во дворе, но не получилось. Оставалось тушить ведрами – во дворе стояли наполненные водой маленький детский бассейн и металлическое корыто для строительного раствора. Сколько там воды? – всего ничего для такого пожара. Какие усилия пришлось предпринять нашим спасителям? Как удалось все же? Помыслить невозможно. Но результат – вот он.

И только по прошествии некоторого времени я с изумлением понял: в роще не сгорело ничего, кроме ЕЖЕВИКИ! Ежевика выгорела дотла, вся и везде, даже на улице возле забора. Роща сразу просветлела и стала в два раз более просторной. Немногочисленные побеги, со временем появившиеся из земли, с легкостью уничтожались лопатой.

Случайность? Ну уж нет, слишком очевидно. Кое-кому, возможно, рассказанное покажется очевидной фантазией, вымыслом. Простите, но тут есть десятки свидетелей: вся наша семья, многочисленные гости, соседи. Проверить элементарно (кому не лень будет ради того добираться на косу).

Так вот, стоит ли роптать? Стоит ли грызть себя: за что же это мне такие неприятности? Стоит ли со страхом смотреть в будущее: что же еще выйдет? Нужно только спросить: «Для чего?», и открыть для ответа свое сердце.

Признание профессионалов

Каждый год Союз журналистов России проводит профессиональный конкурс среди собратьев по перу. Стать его победителем означает быть признанным коллегами, что, как показывает опыт жизни, вообще далеко не просто и потому особенно ценно. На этот раз среди удостоенных Диплома и Премии Союза стал и главный редактор журнала «Лампада» Павел Демидов.

Издает журнал наш храм иконы Божией Матери «Знаменье» в Ховрине, один из самых обычных храмов Москвы. Дается это нелегко, но прихожане любят свой журнал и, как могут, стараются поддерживать его, за что им низкий поклон и сердечное спасибо. Сегодня журнал уже вышел за родную церковную ограду и распространяется по подписке, а также продается во многих храмах Московской Епархии.

Особо хочется отметить, что такого рода признание светская общественная организация, в данном случае Союз журналистов России, выразила православному изданию впервые.

Председатель Союза журналистов России Всеволод Богданов только что вручил Диплом и Премию Союза главному редактору «Лампады» Павлу Демидову

С секретарем Союза журналистов России Павлом Гутинтовым и издателем журнала, настоятелем храма иконы Божией Матери «Знаменье» в Ховрине протоиереем Георгием Полозовым

«ЛАМПАДА» освещает дорогу к знаниям и учит правильной жизни

«А что там на соседнем столе?»

Наш храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине приглашает детей к учебе в православной гимназии «Лампада». Пока у нас действуют только два класса – первый и подготовительный, но будут подрастать ученики – будет вместе с ними расти и гимназия.

Занятия проходят пять раз в неделю. Помимо обязательных учебных дисциплин, в программу входят английский язык, рисование, изучение окружающего мира, экскурсии. Детки уже побывали на хлебокомбинате, в зоопарке, предстоит посетить районную библиотеку.

Все учителя – специалисты высокой квалификации.

Адрес гимназии тот же, что у храма, – Фестивальная ул., 77а. Справки можно навести по телефону 453-9101. Поговорить лучше всего с завучем гимназии Татьяной Васильевной Канунниковой (8-905-543-6192).

Фото Евгения Борисова

Семерка – символ полноты

Искусство гобелена...

Как ни странно, толком никто не знает, сколько в Москве библиотек. Около трех тысяч. Но почти безошибочно можно сказать, что библиотека № 211 – единственная в своем роде. Третий год здесь работает студия «Волшебная нить», где обучают искусству ткачества гобеленов¹. Сегодня, когда все настойчивее заявляют о себе конвейерные поделки или подделки, люди, интересующиеся древним рукодельным ремеслом, уже сами по себе заслуживают того, чтобы о них знали. Заслуживает того и их руководитель Елена Черникова. Она не только профессиональный художник, но пишет стихи, поет песни и баллады, в том числе и собственного сочинения.

– Ведь человек богоподобен, а Бог – это Творец, – говорит Елена. – Значит, в каждом человеке заложена способность к творчеству. Нам остается только помочь людям раскрыть эту способность. В большинстве занятия посещают люди зрелого возраста, но есть и дети. Хочется, чтобы боль-

¹ Гобелен (фр.) – ручной работы настенный ковер без ворса, украшенный сюжетным рисунком или орнаментом. Гобелены ткут из цветных нитей (шерсть, шелк) отдельными частями, которые затем сшивают. Сегодня техника ткачества гобеленов используется в оформлении интерьеров, изготовлении различных декоративных изделий – минигобеленов, украшений, сумок, чехлов для мобильных телефонов и многого другого.

Одна из участниц студии И.А. Чиковани за работой

ше молодых людей приходило осваивать эту технику и она продолжала жить.

В конце минувшего года состоялась выставка работ студийцев. Желаящие приобрести к красивому древнему искусству могут обратиться в библиотеку № 211, ул. Смольная, 11, тел. 452-0797.

Фото Ларисы Беляевой

...и прекрасная Елена

МИЛЛИОНЫ ДНЕЙ НЕСКОНЧАЕМЫХ...

Миллионы дней нескончаемых...
Мы одни с тобой, и в печали мы,
Утопили мы в море отчаяния
Миллионы дней нескончаемых.

Через небо следы к пропасти...
Кто из нас пытался кого спасти?

Чтоб из сердца начисто выскрести
Через небо следы к пропасти.

У любви не бывает раскаяния.
Ветры – крылья, а я – неприкаянная.
И бреду я, душой измаянная.
У любви не бывает раскаяния.

РОЖДЕННЫЙ ПЕТЬ
Куда метаться мне? –
Всё стены да дома,
Дороги, окна,
Шум иль тишина,
Бетон всех лестниц,

Мрамор нищих душ,
Антенны, крыши,
Счастья жирный куш.

Куда мне встрять? –
Всё щели да мосты,
Всё день да ночь,
Веселье иль кресты,
Камней молчанье,
Неба высота
И переполненного дома
Пустота.

Куда деваться мне? –
Как сотворить успеть,
О чём мне рассказал
Рождённый петь?!

* * *

Мой дворец с тобой – под небом.
Бог простит, и будем мы
Живы не единым хлебом
Под покровом тишины.

СКРЕПЫ

Постарайтесь каж-
дый день делать что-
то для других и предо-
ставьте делать себя
Христу.

Митрополит Сурожский
Антоний

Он слышал печальные звуки, которых не слышал никто Перечитывая Николая Рубцова

В этом году Николаю Рубцову исполнилось бы 75 лет. Эту цифру так трудно приложить к нему. Он навсегда останется в нашей памяти порывистым и задиристым, как подросток, с худой шеей, заматанной длинным шарфом. Но вот уже сорок лет миновало со дня его гибели. Это случилось 19 января 1971 года.

ДОМ У РЕКИ

Тоненькая свечечка его жизни затеплилась в Емецке, в большом селе, что стоит у впадения реки Емцы в Северную Двину. Полтора года спустя большая семья Рубцовых (Коля был четвертым ребенком) уехала в Няндому, потом в Тотьму, оттуда в Вологду. Вскоре началась война, и отец, которому было уже за сорок, ушел на фронт. Мать, не выдержав бесконечных переездов и потрясений, тяжело заболела и умерла летом 1942 года. Двух старших детей забрали родственники, младших — Бориса и Колю — отправили в Красковский дошкольный детский дом под Вологдой.

Когда дети вошли в школьный возраст, их перевели в другой детдом. Шестнадцать мальчиков и девочек, а вместе с ними и Колю, повезли пароходом по Сухоне в село Никольское, в детский дом № 6. Телеграмма об их прибытии затерялась, и за ребятами даже телегу не выслали. От пристани семилетние путешественники шли пешком — двадцать пять километров по раскисшей дороге, под дождем...

Было это 20 октября 1943 года. Николай Рубцов навсегда запомнил хуленькую фигурку встретившей их у деревянного моста через речку Толшму воспитательницы младшей группы Антонины Алексеевны. Благодарно вспоминал и ласковую няню бабу Симу. Тоненькую Люсеньку, дочку директора. Учителя Ивана Дмитриевича...

«Гениальный», «выдающийся», «замечательный» — все эти определения вполне справедливы по отношению к Рубцову, но отчего-то они напоминают сухое шелестение жестяных венков на могиле. Отчего это? Наверное, от того, что Рубцов для нас настолько сокровенный поэт, настолько истинно и нежно любимый, что пафосные слова тут кажутся досадно излишними.

Вологда. Первый снег

Осталась в сердце Коли Рубцова и горестная, тревожная картина: полуразрушенная церковь с торчащими столбами и железными прутьями. Первый снег падает на красные кирпичи, черные вороны кричат.

Он и потом, приезжая в Никольское, никак не мог свыкнуться с этой зияющей дырой в пейзаже, с необъяснимым надругательством русских людей над своей же верой. Сколько раз в стихах Рубцов

оплакивал разрушенную незадолго до войны Никольскую церковь! Ведь это был храм Николая Чудотворца. Мальчик, оставшийся сиротой, рано стал понимать, что не будет у него во взрослой жизни другого заступника, как только небесный.

НИКОЛЬСКИЙ АНГЕЛ

В селе Колно звали Николой, и это каждодневно перекликалось и с именем деревни, и с именем храма и с ранних пор давало мальчику ощущение того, что он принесен на эту землю не по случайной разнарядке, а по велению промыслу.

Сельский учитель географии Александр Кузнецов, посылая мне свою уникальную (от руки написанную и нарисованную!) книгу «Тотемская церковная старина», написал: «Николай-чудотворец почитается как покровитель всех плавающих по водам. Именно поэтому так много стояло Никольских церквей вдоль по Сухоне...». Тут уместно вспомнить, что после детдома,

после неудачной попытки поступить в рижскую мореходку и учебы в лесотехническом техникуме Николая Рубцова призвут в армию, и он четыре года прослужит на кораблях Северного флота.

Александр Кузнецов перечисляет некоторые из Никольских храмов, стоявших вдоль по Сухоне: Никольская на Тафте, Никольская на Верх-Еденъге, Никольская на Индасари, Никольская на Ихалице, Никольский храм на Толш-

ме ... «Все они, – пишет Александр, – были порушены. На месте некоторых – лишь груды битого кирпича, поросшие травой...»

Николаю Рубцову, как никому другому в XX веке, удалось выразить сиротство русского человека, которого лишили корней, памяти, веры предков. Вот есть и кусок хлеба, и друзья, и природа, и даже любовь, но нет храма Божиего, и все как в черную дыру улетает...

Сегодня кажется невероятным, что канувший, как многим казалось навсегда, град Китеж, удалось воскресить в своих стихах юноше, за спиной которого не было ни семейных преданий, ни векового домашнего уклада, ни воспоминаний о бабушкиной лампадке в углу... И вошел в русскую поэзию бывший детдомовец в начале 60-х, когда Н.С. Хрущев обещал советскому народу показать по телевизору «последнего попа», а уцелевшие храмы повсеместно взрывали, колокольни валяли с помощью танков, в лучшем случае устраивали там пункты приема стеклотары. И вот в эти-то годы спрятанная, униженная и онемевшая Православная Русь обрела в Рубцове свой чистый и сильный голос. Перед его стихами, подобными тихому одинокому плачу спохватившейся сыновней любви, раступились каменные стены...

Судьба детдомовского мальчишки Коли Рубцова – еще одно удивительное свидетельство того, что ангелы-хранители до скончания веков не покинут те места, где стояли храмы. И что-то оставалось в селе такое, что давало и детям ясно почувствовать: святитель Николай не оставил Никольское своим попечением. Кажется, именно об этом с благоговением и благодарностью думал Рубцов, когда много лет спустя писал в автобиографии: «До меня все же докатились последние волны старинной русской самобытности».

В селе исправно справлялся престольный праздник. Крестились солдатские вдовы на руины церкви. Слышался в ночной детдомовской тиши торопливый шепоток бабы Симы: «Отче Николае, тебе величаем, яко плачущих веселие, нагих одеяние, по морю плавающих управителя, пленников свободителя, вдов и сирот питателя и заступника...».

И Коле вдруг начинало казаться, что шепот множится и вот уже никто вокруг не спит, а все поют: «Величаем

тя, святителю отче Николае... Ты бо молиши за нас...».

Не так давно замечательный вологодский филолог Вячеслав Белков (увы, рано ушедший от нас) выяснил, что неподалеку от Никольского – пра-родина Николая Рубцова, деревня Самылково. Здесь, на берегу реки Стрелицы, до 1929 года жили его родители. Рядом, в селе Спасском, они венчались. В Самылково родились его старшие сестры Надя и Галя. Обо всем этом сироте рассказать было некому, и, сколько раз проезжая неподалеку от Самылково, поэт не знал, что совсем рядом его родовая деревня. Не знал, но безошибочно чувствовал...

*...Сижу среди своих стихов,
Бумаг и хлама.
А где-то есть во мгле снегов
Могила мамы...*

И ВСЕ-ТАКИ – ЗВЕЗДА ЛЮБВИ!

Пожалуй, Николай Рубцов – единственный из больших поэтов XX века, лучшие стихи которого впервые были опубликованы не в толстых литературных журналах и не в книгах, а в районных и областных газетах. В маленьких газетах цензурный надзор не был таким свирепым, да и добрые люди по-землячески помогали. Но тут была другая беда – дружеская бесцеремонность газетчиков, приспособливавших стихи Рубцова к случаю, к требованиям районного начальства.

К примеру, одно время беспощадно вымарывалось слово «грустный». Ну, не было в советской жизни места даже грустным ивам, не то что грустным людям. Догадываясь, что именно это слово вызовет раздражение, Рубцов, посылая стихи в редакцию, с удивительным терпением и даже смирением пытался объяснить: «Если вашу газету не устроит слово «грустные», можно его заменить другим. Это сделать легко, хотя никакое другое слово, никакой другой эпитет здесь не будет точнее и лучше...».

Некоторые стихотворения поэта до сих пор не восстановлены в авторской редакции и вот уже больше тридцати лет печатаются в книгах в искаженном виде. В «Тихой моей родине» Рубцов пишет о возвращении в Никольское и радуется тому, что рядом со школой ничего не изменилось, даже забор остался старый.

*Старый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.*

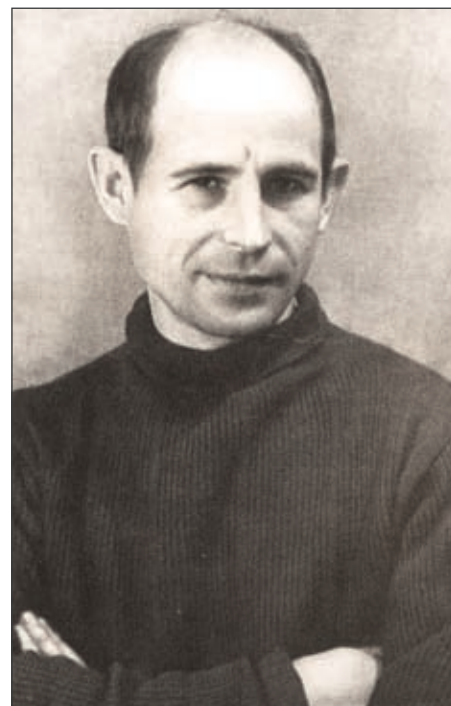

Фото с колхозной доски позора, бичующей тунеядцев

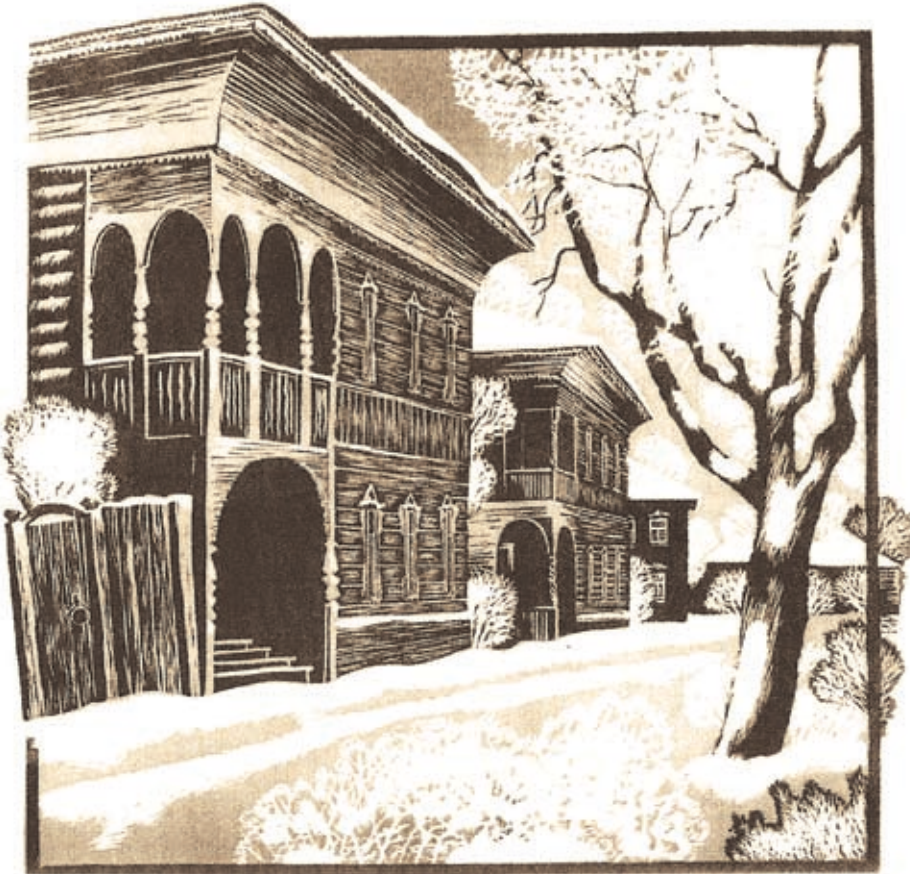
*Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!..*

В редакции областной газеты, опасаясь нагоняя от обкома, поменяли «старый» на «новый». И с тех пор во всех изданиях торчит этот бессмысленный «новый забор перед школою».

По той же неряшливости и некомпетентности нынешних издателей тиражируется ныне в классически стройных «Осенних этюдах», где в финале вместо рубцовой «звезды любви» светит казенная «звезда труда».

И все-таки скажем спасибо тем, кто публиковал поэта, кто привечал его в редакциях, кто давал ему заработать на хлеб. Рубцова печатали «Сокольская правда» и великоустюгская «Советская мысль», череповецкий «Коммунист» и газета «Волна» села Вашки.

Вологодская «молодежка» с 1963-го по 1971 год опубликовала 56 стихотворений Рубцова. Помню, когда в середине 1980-х я оказался стажером в «Вологодском комсомольце» и дежурил по номеру, один из типографских рабочих показал мне ящичек с металлическими заставками на все случаи жизни. «А вот эти не трогай, – сказал он, положив на ладонь несколько цинковых пластинок с выгравированными ко-нями и журавлями, – мы их раньше ставили к стихам Коли Рубцова. Пусть лежат на память...»

Юрий Воронов. Зимняя Вологда

Николай Рубцов

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Первые два стихотворения впервые
печатаются в авторской редакции

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

В. Белову

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.
— Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. —
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.
Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.
Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.
Тина теперь и болотина

Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.
Старый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!
Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.
С каждой избыю и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

1964

ОСЕННИЕ ЭТЮДЫ

1

Огонь в печи не спит, переключаясь
С глухим дождем, струящимся
по крыше...
А возле ветхой сказочной часовни
Стоит береза старая, как Русь, —
И вся она как огненная буря,
Когда по ветру вытянутся ветви
И зашумят, охваченные дрожью,
И листья долго валяются с ветвей,
Вокруг ствола лужайку устилая...

Когда стихает яростная буря,
Сюда приходит девочка-малютка
И робко так садится на качели,
Закутываясь в бабушкину шаль.
Скрипят, скрипят под ветками качели,
И так шумит над девочкой береза,
И так вздыхает горестно и страстно,
Как будто человеческою речью
Она желает что-то рассказать.
Они друг другу так необходимы!

Но я нарушил их уединенье,
Когда однажды шлялся по деревне
И вдруг спросил играючи: «Шалунья!
О чем поешь?» Малютка отвернулась
И говорит: «Я не пою, я плачу...».
Вокруг меня все стало так уныло!
Но в наши годы плакать невозможно,
И каждый раз, себя превозмогая,
Мы говорим: «Все будет хорошо».

2

И вот среди осеннего безлюдья
Раздался бодрый голос человека:
— Как много нынче клюквы на болоте!
— Как много нынче клюквы
на болоте! —

Во всех домах тотчас отозвалось...
От всех чудес всемирного потопа
Досталось нам безбрежное болото,
На сотни верст усыпанное клюквой,
Овеянное сказами и быльёю
Прошедших здесь крестьянских
поколений...
Зовешь, зовешь... Никто не ответится...
И вдруг уснет могучее сознание,
И вдруг уснут мучительные страсти,
Исчезнет даже память о себе.
И в этом сне картины нашей жизни,
Одна другой туманнее, толпятся,
Покрытые миражной поволокой
Безбрежной тишины и забывтья.
Лишь глухо стонет дерево сухое...
«Как хорошо! — я думал. —

Как прекрасно!»

И вздрогнул вдруг, как будто
пробудился,
Услышав странный посторонний звук.

Змея! Да, да! Болотная гадюка
За мной все это время наблюдала
И все ждала, шипя и извиваясь...
Мираж пропал. Я весь похолодел.
И прочь пошел, дрожа от омерзенья,
Но в этот миг, как туча, над болотом
Взлетели с криком яростные птицы,
Они так низко начали кружиться
Над головой моею одинокой,
Что стало мне опять не по себе...

«С чего бы это птицы взбеленились? –
Подумал я, все больше беспокоясь. –
С чего бы змеи начали шипеть?»

И понял я, что это не случайно,
Что весь на свете ужас и отравы
Тебя тотчас открыто окружают,
Когда увидят вдруг, что ты один.
Я понял это как предупреждение, –
Мол, хватит, хватит шляться
по болоту!
Да, да, я понял их предупреждение, –
Один за клюшкой больше не пойду...

3

Прошел октябрь. Пустынно за овином.
Звонит снежок в траве обледенелой,
И гложет жизнь под небом
оловянным,
И лишь почтовый трактор хлопотливо
Туда-сюда мотается чуть свет,
И только я с поникшей головою,
Как выраженье осени живое,
Проникнутый тоской ее и дружбой,
По косогорам родины брожу
И одного сильнее всего желаю –
Чтоб в этот день осеннего распада
И в близкий день ревушей снежной
бури

Всегда светила нам, не унывая,
Звезда любви, поэзии, покоя,
Чтоб и тогда она торжествовала,
Когда не будет памяти о нас...

Октябрь 1965

РУССКИЙ ОГОНЁК

Погружены в томительный мороз,
Вокруг меня снега оцепенели!
Оцепенели маленькие ели,
И было небо темное, без звезд.
Какая глушь! Я был один живой
Один живой в бескрайнем мертвом
поле!

Вдруг тихий свет – пригрезившийся,
что ли?
Мелькнул в пустыне, как сторожевой...

Я был совсем как снежный человек,
Входя в избу (последняя надежда!),
И услышал, отряхивая снег:
– Вот печь для вас и теплая одежда... –
Потом хозяйка слушала меня,
Но в тусклом взгляде жизни было
мало,

И, неподвижно сидя у огня,
Она совсем, казалось, задремала...

Как много желтых снимков на Руси
В такой простой и бережной оправе!
И вдруг открылся мне
И поразил
Сиротский смысл семейных
фотографий!

Огнем, враждой
Земля полным-полна,
И близких всех душа не позабудет...
– Скажи, родимый, будет ли война?
И я сказал: – Наверное, не будет.

– Дай Бог, дай Бог..
Ведь всем не угодишь,
А от раздора пользы не прибудет... –
И вдруг опять:
– Не будет, говоришь?
– Нет, – говорю, – наверное, не будет!
– Дай Бог, дай Бог..
И долго на меня
Она смотрела, как глухонемая,
И, головы седой не поднимая,
Опять сидела тихо у огня.
Что снилось ей?
Весь этот белый свет,
Быть может, встал пред нею в то
мгновенье?
Но я глухим брэнчанием монет

Прервал ее старинные виденья...
– Господь с тобой! Мы денег не берем.
– Что ж, – говорю, – желаю вам
здоровья!
За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся
любовью...

Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии
тревожном
Горишь для тех, кто в поле
бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что, с доброй верою друга,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле, и нет тебе покоя...
1964

ВСТРЕЧА

– Как сильно изменился ты! –
Воскликнул я. И друг опешил.
И стал печальней сироты...
Но я, смеясь, его утешил:
– Меня прежние черты,
Меня возраст, гнев и милость,
Не только я, не только ты,
А вся Россия изменилась!..

Юрий Воронов. Детство

Дмитрий Шеваров

«Сей ветхий дом, сей сад глухой...»

*Сей ветхий дом, сей сад глухой –
Убежище друзей, соединенных Фебом,
Где в радости сердца клялись перед небом,
Клялись своей душой,
Запечатлев обет слезами,
Любить отечество и вечно быть друзьями*

1801 г.

Андрей Тургенев

Художник Станислав Юлианович Жуковский появился на свет в мае 1875 года в местечке Ендриховцы Волковысского уезда Гродненской губернии (нынешняя Гродненская область Республики Беларусь) в семье польского дворянина. Отец, переживший разгром польского восстания 1863 года и ссылку в Сибирь, жил угрюмым затворником в имении Старая Воля. От отца будущему художнику достался нелегкий характер – вспыльчивый, упрямый и замкнутый. Зато от мамы – лирический, ранимый и мечтательный склад души. Именно мама, урожденная Мария Вержбицкая, сумела заметить в сыне художественное дарование и найти домашнего учителя рисования.

Стасю было пятнадцать лет, когда мать внезапно умерла, и на всю жизнь в нем поселилось горькое чувство сиротства и одиночества. Отец запретил ему даже думать о профессии художника. Когда в семнадцать лет Станислав тайно уехал в Москву учиться живописи, отец бурно отрекся от сына, бросил его на произвол судьбы. Увиделись они лишь много лет спустя, когда слава о художнике Жуковском достигла провинции.

Станиславу было всего двадцать лет, он еще не окончил училища, когда Павел Михайлович Третьяков приобрел его картину «Весенний вечер». Но ведь какие учителя были у молодого художника! Василий Поленов, Валентин Серов, Абрам Архипов, Леонид Пастернак, Исаак Левитан...

Именно Левитан обратил внимание Третьякова на работы Станислава Жуковского. В 1921 году этюд, подаренный Левитаном, спасет Жуковского в Петрограде. Драгоценный этюд голодный художник выменял на продукты. Учителя и ученика, Левитана

и Жуковского, сближали не только общие художественные принципы, но и нечто более глубокое. Оба много страдали от нищеты и поношений, оба не были поняты современниками и оставались очень одиноки до конца своих дней.

Левитан открыл русским людям бесконечную красоту самых обычных, примелькавшихся весенних овражков, сумерек на околице, стогов в ночном поле, заросших прудов и осеннего тумана. Жуковский добавил к этому открытие того, что гармонично соседствовало с природой и было столь же привычно – русские усадьбы. Их просторные веранды, усыпанные палой листвой, высокие окна, открытые в свежесть липовых аллей, гостинные с нотами на рояле...

Я был еще мал и совершенно несведущ в живописи, но почему-то, попадая в прохладные залы нашей вологодской картинной галереи, невольно искал взглядом единственную имевшуюся там работу Жуковского – «Под вечер». Я часто топтался у этой маленькой картины. Сейчас она совершенно слилась у меня в памяти с детскими впечатлениями, с летними вечерами, когда сараи рыжеют от закатного солнца, а в небе тихонько рассеиваются топлени-молочные облака, готовясь уступить место ровной ночной синеве.

* * *

В начале прошлого века многие предчувствовали скорую гибель этой патриархальной жизни. Но совсем мало было тех, кто пытался спасти образы этой жизни для будущих поколений, для мировой культуры.

Прежде всего, вспоминается имя ровесника Жуковского, замечательного искусствоведа Николая Николаевича Врангеля, одного из создателей Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины. Будучи еще совсем молодым человеком (он умер 35-летним в 1915 году), Николай Врангель видел и оценивал происходящее с горячностью и удивительной пронзительностью. Еще за десять лет до революции он писал: «Русские люди делали все возможное, чтобы исковеркать, уничтожить и затереть следы старой культуры. С преступной небрежностью, с нарочитой ленью и с усердным вандализмом несколько поколений свело на нет все, что создали их прадеды... Всюду в России... можно наблюдать невниманию и нелюбовь к тому, что должно украшать жизнь».

Барон Врангель был одним из немногих, кто глубоко понимал творчество Станислава Жуковского и всесторонне поддерживал его стремление запечатлеть старые усадьбы для потомков, восхищался способностью художника передать то, что, казалось бы, невозможно выразить средствами живописи – веяние июньской листвы в распахнутом окне, скрип старых половиц, слабое колыханье занавески, шафрановый запах прогретой солнцем веранды...

Еще в 1910 году, откликаясь на выставку, где была представлена картина «Первенцы весны», строгий критик Александр Бенуа писал: «У Жуковского отличная картина, вызывающая во мне специфические ощущения первого дня на даче: пахнущий сыростью дом и вливающиеся потоки душистых, пьянящих запахов через раскрытое окно... И не хочется, хоть и стужа, запирать окна, не хочется прерывать установившуюся влюбленность между природой и тобой...»

До сих пор неизвестно, где находятся «Первенцы весны». Не хочется

верить, что и они пропали навсегда, как многие из воспетых Жуковским усадеб. В это сейчас трудно поверить, но в начале двадцатого столетия в России было около 140 тысяч усадеб. Лишь очень малая их часть доживает сейчас свой век – незначительные усадьбы, чудом уцелевшие в революциях и войнах, отданные после разграбления беспризорникам, туберкулезным детям, инвалидам, малолетним преступникам. Они верно послужили и новым хозяевам: смягчили казенщину; а липовые аллеи, их летний шум над головой – сколько утешил, сколько слез, никому невидимых, видели старинные дубы и липы, побитые осколками снарядов.

Бывшие санатории, летние детские сады, больницы – в недавние 90-е годы их обвалюно закрывали под железным предлогом заботы о детях: здания-то аварийные, многие спокон веку стоят без капитального ремонта. Некоторые усадьбы путем хитрых манипуляций уже продали новым господам, но те не торопятся с реставрацией, выжидают, когда все рухнет и можно будет на месте памятника культуры построить виллу – столь же блестящую, сколь и безликую.

Поразительно современной кажется сейчас статья, написанная Станиславом Жуковским в феврале 1916 года для газеты «Вечерние известия». Он уже тогда чувствовал всю опасность для России нашествия массовой культуры: «...Пора перестать ездить за модами в Париж, пора стряхнуть с себя вековую рабскую зависимость, пора иметь свое лицо... Будем искать новое у себя дома, и прогресс искусства я вижу прежде всего в оригинальности и самостоятельности... Пора бросить раскрашивать русского человека в мулату с острова Таити...»

* * *

После революции началась травля художника. Излюбленные темы Жуковского становились запретными, «контрреволюционными». О его картинах писали редкие глупости. В одной газетной статье 1918 года художнику напоминали, что «интерьер стал неотъемлемой частицей общенародной собственности».

Жуковский оставил Петроград и, невзирая на тяжелейшие обстоятельства, продолжал с исключительным упорством работать в заброшенных холодных усадьбах на Верхней Волге, в маленьком домике на окраине Вятки, в келье Филейского монастыря. Чтобы развязные граждане не цеплялись к нему с советами, а то и с угрозами, Жуковский выходил на пленэр по ночам. Из двадцати картин, написанных им в 1919 году, – семь ночных пейзажей. Опыт ночной работы Станислав Юлианович приобрел еще в благополучные годы. Современник вспоминает: «Работая на открытом воздухе не только днем, но и ночью, Жуковский был закален. Неприхотлив к условиям ночлега, неутомим во время переходов...»

Жуковский верил, что и в новой жизни его искусство будет радовать и утешать людей, согревать их сердца, напоминать о вечном. Он старался участвовать во всех крупных выставках. Но вскоре Жуковский был объявлен «стоящим вне круга настоящего искусства и настоящих художников», и выставочные залы для него закрылись. В конце 1921 года, после очередной оскорбительной статьи, Жуковский нашел автора и, как рассказывают очевидцы, «дал ему пощечину и затем вторую пощечину журналом». С того дня от Жуковского отвернулись даже коллеги, он был исключен из товарищества художников, жизнь его стала невыносимой.

В 1923 году Станислав Жуковский навсегда уезжает из России. Его путь лежит в Варшаву. Но и на родине своих предков он не находит понимания; его любовь к России, его принадлежность к русской школе живописи многих в Польше раздражает. Жуковский многие годы перебивается случайными заказами и продажей за бесценок своих прежних работ.

О последних днях художника почти ничего неизвестно. Автору лучшей монографии о жизни и творчестве Жуковского искусствоведа Михаилу Ивановичу Горелову удалось в свое время разыскать владелицу варшавского антикварного магазина, которой в начале войны Станислав Юлианович передал на хранение свои картины. Она сообщила, что все работы

Жуковского погибли во время Варшавского восстания, а сам он попал в концлагерь в Прушкове, том самом варшавском пригороде, где было последнее пристанище Януша Корчака и его маленьких воспитанников. Станислав Жуковский умер, не дождавшись освобождения, в 1944-м году. Похоронен в общей могиле...

* * *

Недавно впервые увидел этюд Жуковского «Старый дом» в Музее личных коллекций и не мог оторваться от него. Постояв, уходил, но снова возвращался. Все как в детстве. Я не плакал, но если бы кто-то близкий был рядом, я уткнулся бы в родную рубашку. Хотелось сказать: вот, погляди, это наш оставленный когда-то дом, наши родные пенаты. Он снится нам, он ждет нас так же, как ждал в детстве на каникулы...

А на картине был дворик, угол деревянного дома, чуть смятые ливнем георгины, заросшие дорожки, скамейка. И тот час вечерний, когда уже темнеет, но какой-то тающий робкий ответ проходит по дому прощальной волной.

Так бывает после дождя, когда он весь день заливал окрестности, а потом, когда, казалось бы, стемнело уже до утра и дальше будет лишь темнее и темнее, – вот в эту минуту дождь вдруг отступит в усталости, а небо прояснится нежной светло-зеленой полосой у горизонта. Нависавшие весь день тучи отмякнут, расплзутся. И пока одни тучи уже ушли, а ночные еще не подоспели – длится эта минута светлых, слабых лучей. Они осветят деревянную стену с облезшей на досках краской, коснутся окон, отразятся в колеях, полных воды, в каплях, повисших на листьях липы...

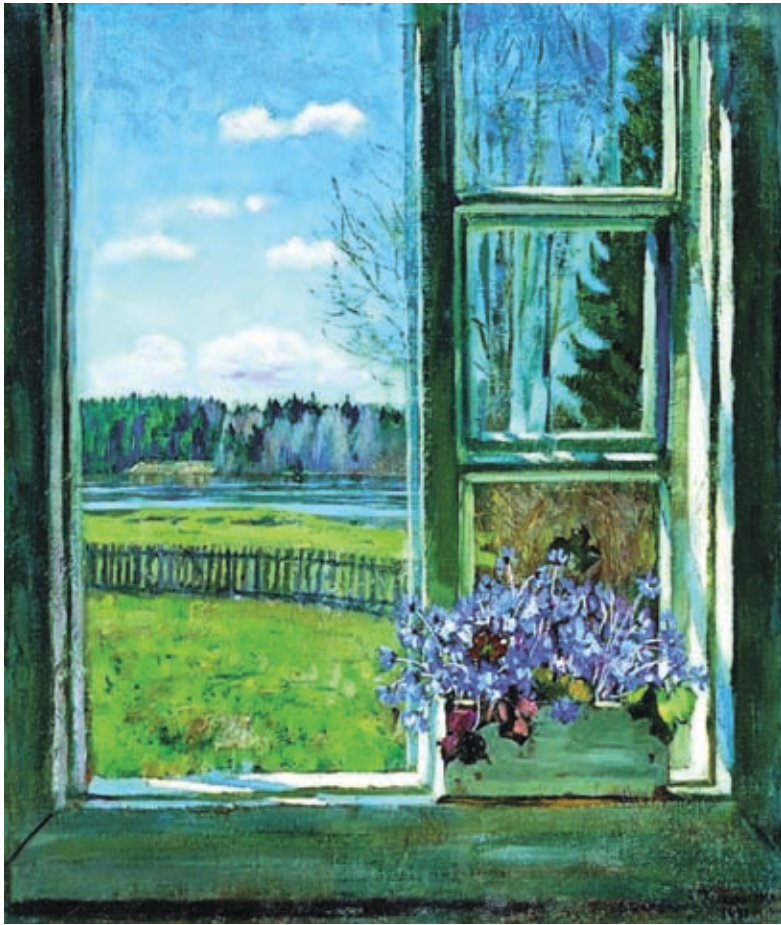
Полоска света будет таять, холодеть, в ней не останется ни желтого, ни зеленого. Деревья сомкнутся под ночным небом. На скамейке сидеть холодно, и с улицы теперь уйти не жаль. И как хорошо войти на кухню, заметить дождевую воду, натекшую во время ливня между рам, прикрыть окно, вдохнув напоследок сырой запах трав, георгинов, цветущей липы и близкой ночной реки.

Брошенная терраса, 1911 г.

Июльская ночь, 1916 г.

Окно с фиалками

Гостиная с роялем, 1906 г.

Библиотека помещичьего дома, 1910 г.

О Владимире Кудрявцеве

Когда я читаю Володю Кудрявцева, мне всегда вспоминается Вологда, зима. Мороз – сорок градусов. Заиндевшие окна маленькой редакции. Володя – редактор, солидный такой, сидит за столом, набросив на плечи пальто. А я, только недавно из армии, стою на пороге в валенках. Валенки не мои, а дедушкины, аккуратно, впрочем, им подшитые. По дороге в редакцию я не задумывался о роли валенок в жизни человека. А вот как вошел – сразу задумался. И очень меня эти валенки стали смущать. Ну, думаю: сейчас они мне всю карьеру испортят.

Но обошлось, и мы стали с Володей вместе работать. И скоро я узнал, что Володя родился в удивительной деревне Попово. Он так рассказывал об этой деревне, что она и вправду представлялась сказочной. А школу Володя окончил в поселке Сусанино – том самом, где когда-то родился Иван Сусанин.

Вот эти глухие и при этом заманчивые места и сделали Володю поэтом. Причем, Володя такой редкий поэт, кото-

Портрет Владимира Кудрявцева работы художника Михаила Копьева

Я очень рад, что Володя прислал для нашей «Лампадки» свои стихи и рассказы. Я желаю ему счастья.

Д. Ш.

Владимир Кудрявцев

СТРАНА ЗАЛЕСЬЕ

Теплый июньский вечер.

Еще не остыл и теплится над Ивашевым закат с розовой грудкой январского снегиря. Еще вздрагивает он болезненной судорогой на оплавленных стеклах подслеповатых изб. Еще не осела над улицей слоистая пыль, поднятая деревенским стадом, и не угомонилась искусанная оводами скотина, разведенная хозяйками по сумрачным духовитым дворам. А над деревней гаснут, как искры, звуки отзвевшего дня, и утомленным эхом певуче тают в напоенном прохладой воздухе.

Затаившийся вечер подает уже свои редкие, расцвеченные чуткой тишиной голоса: под горой сползает с валика в черную колодезную бездну гремучая цепь, и натужно поскрипывают у кого-то на плечах под полными ведрами дужки горбатых коромысел. У конюшни всхрапывают натруженные за день лошади, и ломятся в стойлах пружинистые жеребята. В пруду, запутавшись в густой тине, шлепает по воде крылья-

ми суматошная Марьяна утка, шумно стяхивая с клюва обрывки скользких зеленых водорослей.

Бабушка вышла доить корову. Слышно, как сначала затенькали, а потом зазвенели о стенку пустого подойника первые тугие струйки парного молока.

А вот пронесся на велосипеде, громыхая подсумком, единственный на деревне парень – Толя Куликов. Поехал в Сумароково – на гулянку.

По моей руке, судорожно перебирая ножками, ползет заблудившийся муравей. Я пересаживаю его на соломинку, за которую он цепко держится и не падает. Но мне сейчас не до него.

Я сижу на соломенной крыше амбара и хочу заглянуть за горизонт. Смотрю в сторону Замятина. Это последняя деревня за Шелками, которую я знаю. В ней всего два дома. И, как помню, почти под самыми их окнами начинается лес. Где-то за ним и скрывается моя сказочная страна Залесье.

Вижу, как по-за огородами из дальних лесных делянок возвращаются с сенокоса Цветковы. Впереди широко шагает дядя Саша. За ним семенит

рый притягивает к себе других поэтов. И в нашей редакции как-то незаметно все стали немножко поэтами. И даже читатели, вместо того, чтобы писать в газету жалобы, посылали нам свои стихи. Или прямо приходили в редакцию и читали нам свои сочинения вслух. Некоторые пели под гитару или гармошку. Сначала стихам отдавали одну полосу, потом пришлось отдать еще одну. Вскоре Володя уехал учиться в Москву. Газета без него вовсе оторвалась от брэнной земли, а потом просто исчезла, растворилась в воздухе. Ее давно уж нет.

Но осталась память о месте, куда можно было без смущения прийти в валенках; где людей с улицы встречали по-домашнему, поили чаем, давали займы, а на подоконниках, как воробьи, сидели разомлевшие от тепла поэты.

Жена Софья, а за ней, переваливаясь с боку на бок, устало бредет сама Марья Васина. Идут, молча, как приведения, в белых одеждах – с граблями и косами на плечах. Под их босыми ногами клубится взбитая до пудры белая дорожная пыль.

Не из моей ли страны Залесье они держат путь? И не туда ли ведут коровьи тропинки, по которым я ходил однажды с дедушкой слушать лесное эхо? Не оттуда ли текут и безымянные реки с живой и мертвой водой? Не там ли сматывает в клубок свои лучи и нагулявшееся за день солнце?

Да, где-то там, за сороковым оврагом оно каждый вечер и садится – у самых черных луж на топком клюквенном болоте, а не пойманная еще Жар-птица сбивает с него закаленным клювом золотую окалину. Не в эти ли минуты и польхает прощально над горизонтом мятежно-огненный закат?

Оттуда после грозового ливня поднимается, как диво, и домотканая радуга. Через нее только и можно войти в эту загадочную страну.

Однажды после грозы мы с Колькой, увидев над лесом радугу, добежа-

ли почти до самого выгона, но радуга, едва мы приблизились, растаяла, как снег на ладошке. От нее на синем небе осталась только светлая, как изморозь, дымная испарина. А мы, задрвав головы, стояли на краю поля по колено в вязкой глине и с трепетом слушали, как доносится из ольховых кустов змеиное шипенье еще парящей в воде окалины.

И даже видели – Колька не даст соврать! – как струились из лесной чащи наполненные светом, прозрачные воздушные пузыри и как на макушках ошетилившихся иголками елок разлетались они радужными брызгами...

Вчера к Саше Цветкову приехали в гости незнакомые мне люди. Когда они проходили мимо нашей избы, бабушка, перебегая от окна к окну, внимательно разглядывала их и потом, утолив любопытство, крикнула деду за перегородку:

– Залесские...

Я у неё переспросил:

– Они что – из-за леса?

– Оттуда, – уже без интереса к ним ответила мне бабушка, но у деда уточнила: – Батька, из Новоградского они?

– Из Новоградского, – уверенно подтвердил дед.

От неожиданности я даже вздрогнул. Меня вмиг осенило: значит, из Нового града. Я несказанно обрадовался своей догадке. Из того самого, выходит, града, который и есть столица еще неведомой мне страны Залесье.

Каково же было мое удивление, когда вечером я увидел их в заулке у Цветковых. На вид они были такие же, как и наши деревенские женщины и мужики.

Они и плясали также, и пели, и говорили на завалинке о том же самом – о сенокосе и скотине, о ягодах и грибах. Еще и в гости к себе звали:

– Ведь сто лет не бывали – пора бы!..

– Будем живы-здоровы – отгостимся, – отшучивалась Марья Васина.

«Нет, – убеждал я сам себя, – они должны быть другими».

Я всё искал и искал в них что-то особенное и, наконец, нашел: на их лицах загар отливал перламутром. На всякий случай еще раз оглядел и своих – деревенских. Нет, у наших загар с глиняным отливом. Да, такой мог быть только у залесских! Только они живут рядом с топким болотом, и только они

видят, как склевывает Жар-птица с черного солнца золотую окалину...

– Во-ва-а!.. – услышал я аukaющий голос бабушки.

Очнулся и почувствовал, как дружно сыпанули по спине мурашки. Солому на крыше амбара давно уже окинула молочная роса и легкой испариной легла на мои волосы.

Я не откликнулся. Разгреб ногами колочую и пыльную солому, внутри еще теплую, а руки засунул под рубашку.

Сразу согрелся.

– Во-ва-а!.. – звала и звала, забеспокоившись, бабушка. – Иди ужинать...

Я осторожно слез с амбара и побежал к дому. Мне так захотелось на печку, чтобы поскорее лечь спать и снова увидеть во сне мою таинственную страну Залесье...

ДОМ

Всё лето пробегал вокруг сруба, на котором с утра до вечера сидели плотники, и не заметил, как он неожиданно в один день и как будто из-под земли вырос в большой дом на месте нашей старой и любимой мною избы.

Сегодня с утра моросит дождь. Нудный и бесконечный. Сеется, как сквозь бабушкино сито. И нет ему конца. Тучи висят над крышами неподвижно и так низко, что, кажется, рыхлыми животами своими касаются верхушек высоких берез и тополей.

Вышел из бани, нахлобучил на самые брови выгоревшую до желтизны кепку и, съевшись, сел у пруда на осклизшее и уже потемневшее до плесени осиновое бревно. Я сижу на нём каждое утро перед тем, как идти к Кольке.

И вдруг в сонной и туманной измороси я увидел дом. Теплый, еще неостывший от летней жары и хранящий свет июльского солнца, он стоял под кронами темных деревьев и будто силился вознестись над промокшей и неуютной землей.

Я стал с интересом его разглядывать, словно и впрямь увидел новую избу первый раз в жизни.

Бывает же такое! Да и то правда, что в погожий день он, наверно, поиному и видится. А сейчас вокруг тихо, моросно и серо – и ни привычного стука молотков и топоров, ни шутилых плотников, сидящих в раскоряку на

бревнях, ни шороха стружки под бабушкиными граблями, ни надрывного кашля деда.

Дом замер, будто в испуге, и о чем-то глубоко задумался. У него, наверно, было в этот день такое чувство, что его все бросили, и он остался один коротать свой непредсказуемый век.

У меня такое чувство иногда тоже бывает, когда бабушка ругает деда, а дед отшучивается.

Вот он – дедов дом! – стоит передо мной, как чудо! Солнечные венцы плотно прижались друг к другу, а в пазах между ними топорчатся усы коричневого и жесткого, как проволока, мха. Я помню, как дед расстилал привезенный из леса мох на подволоке для просушки. Тогда он был еще сырым и кудреватым. Да и цвет у него был бледноболотный.

А сегодня и стекла в окнах кажутся праздничными. Даже в этот дождливый день. Они, как глаза, живые, а в них я чувствую ожидание чего-то светлого и доброго.

На окнах пока нет наличников, но мы с дедушкой в прикрывине (это он так называет свою столярную мастерскую) их потихоньку выпиливаем. Я тоже ему иногда помогаю. Дед мне дает и лобзик. Не боится, что я вдруг что-то испорчу. Бывает, правда, что и порчу, но дед на меня не сердится.

А какая на крыше дранка! Кажется, она надрана не из дерева, а нащипана, как лучина, в июне из теплых и плотных лучей восходящего солнца. Даже дождь, и тот не может её остудить.

А на крыше уже и печная труба заняла свое почетное место. Но пока над ней нет дымка. Но дым скоро будет! Как только бабушка затопит вновь сложенную печь, и как только в ней заиграет на поленьях ласковое пламя, так и потянется из трубы суетливый и разноцветный дымок, привязывая к высокому небу и нашу приземистую избенку.

А самое радостное – это светелка с балконом.

Дед её сделал для меня. Там, когда вырасту, я буду в теплую погоду спать. Балкон тоже украсим резьбой, и буду я с него гладить рукой верхние листья рябины и тополя.

...Дождь не перестает. Только окрепший ветерок чуть разворошил

на небе серые и жидкие облака. Кое-где между ними появились мутноватые проталины, но солнцу через них пока не пробиться. И тут решил я спрятаться от дождя не в бане, в которой прожил целое лето и уже привык к её жжено-кирпичному запаху, а в нашей новой избе. А в ней, признаюсь, я и сам давненько не бывал.

Открываю дверь – подается туго. Еще, видать, сыроватая. Не отвиселась, не высохла. То ли дело была старая. Косяки сверкали, как отполированные, и порог был надежный – изношенный, как сапоги. Правда, и та дверь тоже скрипела.

В избе пока стоит одна печь...

Она еще обсыхает, и потому вся покрылась пятнами – белыми и желтыми. От неё и запаха-то печного нет, ни разу не топлена. Пахнет кирпичами, глиной и песком, да еще махорочным дымом самого печника дяди Васи из Сумарокова. Пока печь холодная и чужая. Нет еще над ней и полатей. Но пройдет время, привыкну, обживусь и полюблю.

В избе без перегородок просторно и воздушно. Я не знаю, где и как дед с бабушкой расставят мебель, но почему-то, вспоминая старую избу, примерно догадываюсь.

Там у стены, у бокового окошка, будет стоять наша с дедом железная кровать. Там, в простенке, бабушка установит комод, а рядом с ним на лавке водрузит фикус в кадке и под него задвинет швейную машину «Зингер». Шкап и шифоньер, сработанные дедом, скорее всего, будут стоять в углу, ближе к печке, а к самой печке, конечно, прижмется диван с тугими пружинами.

На стенах дед развесит коврики с оленями и фотографии в рамках под стеклом. На пол, уже покрашенный, бабушка постелет цветные половики, сотканые еще в старой избе.

На окна (а их в доме восемь) повесит узорные занавески. Трюмо, конечно, опять задвинут в угол. Круглый стол, само собой, займет место посередине, а над ним умиротворенно, но торжественно будет по вечерам загораться керосиновая лампа с дужками по бокам и зеленой закопченной шляпкой под потолком.

Икону с лампадкой бабушка пристроит в красном углу и у печки.

Да, похоже, всё так и будет. Так мне кажется. Хотя, может, что-то будет и не так. Но как бы ни было, знаю, что в доме у нас всегда будет красиво и ладно.

А дед молодец! Обещал к осени срубить новый дом и к сентябрю поставил его.

Вот он – Дом для внука. Это он мне повторял целое лето. Из него, из дедова дома, через неделю я и пойду в Сумароковскую школу – в первый класс. Пойду вместе с Колькой Осиповым и Ленкой Семичевой.

А к школе у меня уже всё готово. Даже куплены новые блестящие резиновые сапоги!..

«А МЫ СИДИМ ВДВОЕМ У ПЕЧКИ...»

Я видел, как рождается мороз.
Как сушит он, отбеливая, травы,
Как в поле пудрит гребешки борозд
И лачит стрижу луговой отавы.

Как нарезает стекла на воде
И украшает изморозью ветви.
Как паром белым стынет в бороде
И снегирей зарёю красной метит.

ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ

Трещит подтопок разгораясь.
И слышно мне, как за окном
Метель, как будто бы живая,
Обнюхивает шумно дом.
В хлеву тревожатся овечки.
Гудят промерзшие столбы.
А мы сидим вдвоем у печки
Под завывание трубы.
На стеклах темь чернее сажи.
С полатей оседает пыль.
Словами дед – то сказку вяжет,
То тихо сказывает быль.
О страшных битвах и раздорах,
О сказочных богатырях,
О людях злых и людях добрых,
О мужиках и о царях.

И оживают в днях вчерашних
Как будто дедовы дела...
– Была деревня тут, как наша,
Вблизи у Домнина села,
Укрытая от глаз лесами.
А что водилось в них зверья!
Вот в ней и жил Иван Сусанин,
Ну, вот такой, поди, как я...
Стрекнули искрами поленья.
Вздыхнул теленок в тишине.
И тени, словно приведенья,
Зашевелились на стене.
Под лавкой что-то зашуршало.
– Да ты не спишь ли?..
– Нет, не сплю.
– Ну, полезай под одеяло,
Я только печь пошевелю...
За окнами гудят метели.
Тепло у деда на руке...
Во сне иль наяву слетелись
Зимою лебеди к реке.
И пробирается лесами
На свет дрожащего огня
Такой, как дед, – Иван Сусанин,
Зовя по имени меня.
– Эгей! – кричит.
А эхо гулко.
И я бегу к нему, бегу
Из занесенного заулка,
И верю, верю –
Помогу!..

* * *

Щекочет утро нос дымком.
Стою на улице – и сонно
Вытаивает за стеклом
Печь ликом умиротворенным.

В заулке снег крахмально бел!
Как вкусно захрустели лыжи!
И я почувствовал – прозрел –
Душой не только слышу – вижу!

СВЕТ ТРАВЫ

Мать-и-мачеха – трава-новина.
Ей в канавке любо, словно в горенке.
Чу! – трезвонит под кустом калины
Ландыш с белоснежной колоколенки.

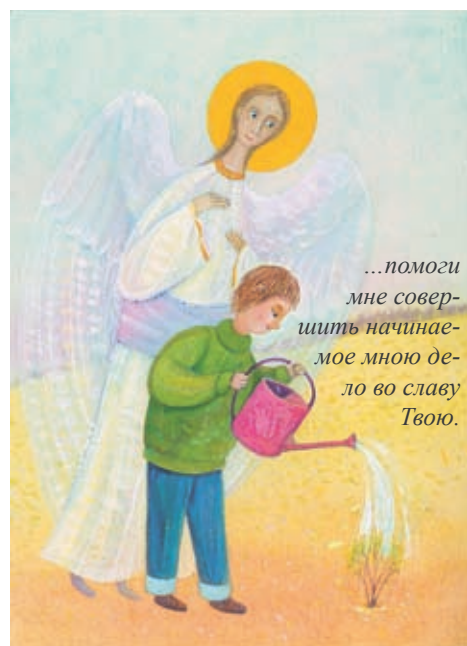
Обращаться к Богу можно своими словами. Главное, чтобы это было от души, от всего сердца. Господь услышит вашу просьбу и искренние слова благодарности.

А еще бывают молитвы, которые оставили нам святые люди. Множество верующих в разные времена дружно обращались к Богу каждый день с такими словами. Это же настоящий гигантский хор – до самого неба! Вы тоже сможете в нем участвовать, если будете молиться.

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистой Твоея Матери и всех святых, помилуй нас. Аминь.

Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе.

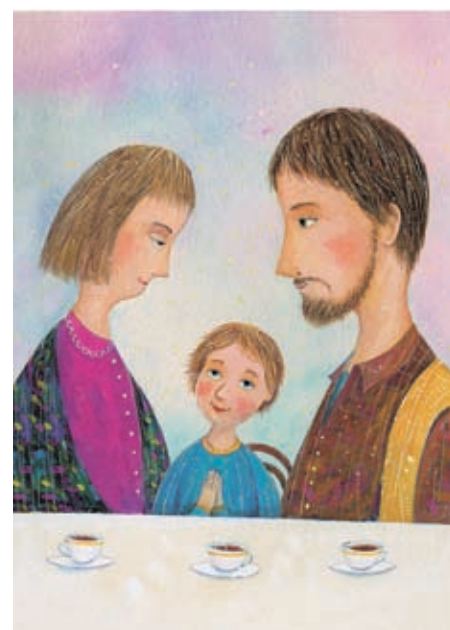
...помоги мне совершить начинаемое мною дело во славу Твою.

Пресвятая Троице, помилуй нас...

М.: Никея. 2011. Иллюстрации Евгения Подколзина

Господи, услыши молитву мою о родителях моих...

...дабы, внимающе преподаваемому нам учению, возросли мы Тебе, нашему Создателю, во славу, родителем же нашим на утешение, Церкви и Отечеству на пользу.

В руке Твои, Господи Иисусе Христе, Боже мой, предаю дух мой; Ты же мя благослови, Ты мя помилуй и живот вечный даруй ми. Аминь.

Преданный подвижник

Книгу «Реставратор вся Руси»* воспринимаю как достойную Книгу Памяти о замечательном человеке Савелии Васильевиче Ямщикове. За воспоминаниями без малого полусотни близких, друзей и товарищей нашего героя стоят сотни и тысячи упомянутых людей, с которыми пересекался Савелий Васильевич в своей активной, насыщенной идеями и делами жизни. В итоге возникает почти эпическое полотно того культурного пространства, в котором боролась, болела, убеждала, созидала, творила и любила неукротимая душа Савелия.

В этом я вижу несомненное достоинство книги и его автора-составителя Гузель Агишевой, которая не просто любит близкий ей персонаж. Она формирует

устами единомышленников его многогранный живой образ, подводит читателя к массе откровений, новым краскам в картине общественной и культурной полувекковой истории страны, когда мужал и обогащался молодой Савва, когда вме-

сте с ближайшим окружением вырос и стал заметной популярной фигурой, повлиявшей на умы и позиции очень многих людей.

Конечно, реставратор – это узкопрофессиональная черта Ямщикова. Его всесторонняя личность объединяла искусствоведа, историка, исследователя, общественного деятеля, пропагандиста и защитника художественного и культурного наследия. Природа наделила его редким характером убежденного в своей миссии человека, бескомпромиссного, постоянно заряженного на дело, на преодоление, на созидание. Без этого все остальные достоинства его личности не получили бы такого яркого выражения и признания.

Такие мысли рождает у меня эта прекрасная книга, где описание событий, рассказ о людях и фактах повседневной истории соседствуют и как-то незаметно перерастают в исповедь о долге и призывании человека, поскольку речь идет, в конечном счете, о святом деле и его преданном подвижнике.

А.И. Шкурко,

Президент Государственного исторического музея

* М.: НО «ИЦ «Московведение», 2010.

Столпник

До чего странно устроена жизнь! И как мы, опытом лет знающие эту странность и умеющие снисходительно указать на нее другим, оказываемся беззащитны, когда она обернется к нам не отвлеченной мыслью, а живой судьбой.

Как я всегда уставал от Саввы, от его чрезмерности, и в болезни не оставляющей его жадности жизни. Даже когда в годы его долгой депрессии друзья понемногу отходили от него (хотя не всегда были виноваты; он сам отказывал им в желании навестить его – не хотел показываться в слабости), он нет-нет срывался, что Мишка или Славка, или Юрка – сволочи (не заходят!). Он-то не звал, да они могли догадаться, что они сейчас нужнее всего. Ему всегда хотелось видеть всех и всех держать при себе. А уж когда встал, они все должны были быть его, идти по его делам, воплощать его мысли. Или, во всяком случае, общие с ним. И наши немощи и личные дела воспринимались им как досадная остановка его дела. Иногда это смущало, вызывало чуть не злость – нам хватало своего эгоизма и самоуверенности. А он сразу при входе в город требовал ключи от города и с порога звонил в Москву, Петербург, Париж, Кострому, Милан своим Витькам, Колькам, Лаврушкам и Пьерушкам, чтобы и они немедленно включались в его дела. Поднималось начальство, вызвалось телевидение, давались интервью (их не брали, он – давал)

Вот ведь, думаешь, беда – опять налетел. Значит, прощай, покой, прощай, размеренность жизни: «садись, старик, поехали!» В Изборск, Михайловское, Печоры, Кологрив, Солигалич. И там сразу всё вверх дном. И там он тотчас становился всем сразу – директором, завхозом, ученым секретарем, игуменом. Иногда, грешный человек, я прятался от него, бежал от шума,

от частого повторения одних и тех же его притязаний к городу и миру. Ну, сказал раз, думаешь, и хватит – не глухие ведь.

И вот оказалось, что его «свое» это и было главное «наше» – в Пскове, Костроме, Ярославле, Петрозаводске. И теперь на его месте в душе страшный провал. И не в одной моей душе, а, кажется, в русской истории последних лет – так много он занимал в ней места. И место это было так нужно. Он лучше нашего знал родное начальство, знал, что оно только «наемная сила» и, если с него не спрашивать, оно все так и утопит в пустых обещаниях, и не стеснялся с той же энергией по сто раз повторять необходимое, бить в рельсу, пока не услышат.

И вот – Брежневская коллекция в России; Ефим Честяков – навсегда вписан в нашу культуру как явление всечеловеческое; икона Елеазаровского Спаса на своем духовном посту, в родном монастыре, стоит за единство Третьего Рима, как стояла во все часы духовной опасности. Крест под Изборском, как икона Русской земли, стоит и его плечами и волей, им привезенными землями Абхазии, Соловков и Северной Фиваиды. Покровская башня в Пскове воскресла, когда, казалось, потеряна последняя надежда, в такой степени, что мы перед ее величием почти не смеем поднять глаз, как не смели иногда и перед его требовательностью.

Сейчас его мучительно не хватает. И я боюсь, что лень и зло, расчет и чужебесие осмелеют. И они уже смелеют, почувствовав, что теперь можно распоряжаться родными «духовными недрами» бессовестнее. И только в Пскове нас еще ждет впереди тяжелейшее стояние за Мирожские и Снетогорские фрески, за достоинство реставрации передаваемых церкви храмов, за единство исторического облика 1150-летнего Изборска. А в Ярославле, Костроме, Петрозаводске, Вологде... Культура везде оказалась на опасном пороге.

Ну, что ж, с Божьей помощью и Саввиной молитвой надо учиться делать его высокое дело без него. Звони, Савва, – днем, в ночь, на рассвете. Без тебя очень трудно.

Валентин Курбатов

Павел Демидов

Где вы, реставраторы России?!

Жизнь и смерть Савелия Ямщикова наводит на грустные мысли

Объемистый том заметно оттягивает ладонь. Так ли совпало, или по замыслу, но невольно отмечаешь: книга отвечает ее герою как физически – форматом, весом, толщиной, так и внутренне – тем, как передает масштаб личности, как честно поворачивает эту личность различными гранями (а их не счесть), как позволяет увидеть в одном-единственном человеке нашу огромную страну, ее прошлое, настоящее и... будущее.

Составитель и редактор книги воспоминаний о Савве Ямщикове назвала ее «Реставратор всея Руси». Талантливая журналистка, дипломированный искусствовед, Гузель Агишева сначала озаглавила так статью в родных «Известиях» в связи с внезапной кончиной Савелия Васильевича, с которым долго и нежно дружила. И вот прошел год с небольшим, еще только-только осела земля на могиле Ямщикова, а уже воздвигнут памятник рукотворный – эта книга, и теперь уже не просто красивый и точный газетный заголовок, но имя книги – «Реставратор всея Руси» – звучит поминальным звоном во всей его метафоричности и тревожной печали.

Название книги можно толковать двояко. Реставратор всея Руси – это как звание, как, скажем, Герой Советского Союза или народный артист России. Так, привычно, смысл его и воспринимается. Но есть в сочетании этот трех слов, как мне кажется, смысл и иной, более глубокий и не менее точный. Реставратор всея Руси Савва Ямщиков – это человек, который занимался возрождением всей России, восстановлением ее из мерзости запустения. В статье Михаила Демурина мы прочтем: «Он удерживал русскую культуру и русскую память – а вместе с ними и всю страну – от дальнейшего падения». Аркадий Мамонтов: «Всякое время выносит на поверхность людей, чьи недостатки, даже отрицательные черты характера искупаются страстным отношением к народу – это очень редкое качество». «Он умер от равнодушия русских к России», – горько выводит Альберт Лиханов.

Роль и место Ямщикова в российской действительности определяются не только числом восстановленных икон и храмов и спасенной от зуболомного прогресса старины. И даже не столько их числом. Отдаваясь своей профессии, призванию, ремеслу – называйте, как хотите, – Ямщиков создавал вокруг себя огромное поле притяжения, поле гигантской центростремительной силы, и он вбирал в него всех и вся, кто имел... счастье? неосторожность? неосмотрительность? оказаться в зоне его внимания. Это как черная дыра, только с обратным знаком. Втягивая в буйство своих эмоций и дел, он тем самым, и прежде всего, реставри-

ровал души этих людей, ибо с прогнившей душой невозможно было бы сделать и толики того, чем жил Ямщиков.

То был не целенаправленный воспитательный процесс, и Ямщиков, случись бы ему прочитать эту сентенцию, скорее всего хмыкнул бы иронически, а может, и добавил пару слов. Но иначе просто не могло быть. А что теперь? Теперь, когда жизненно нуждается в реставрации вся Россия? Не в реконструкции, как стремятся внедрить ее наши новоделы. И, да простят меня, не в модернизации, поскольку обновлять на разрушенных фундаментах – все равно, что строить дом на песке (Мф. 7: 26).

А их нет, наших фундаментов, или почти нет. Как в прямом смысле, так в переносном. Был фундамент образования; сейчас – образовательные услуги. Был фундамент здравоохранения; сейчас – услуги медицинские. А услуги, как известно, дело добровольное: можешь? – пользуйся; нет? – молчи себе в тряпочку. Зато государству куда как удобно – никаких обязательств перед людьми. «Ваши проблемы».

Кто же нам, интересно, подложил такие «услуги»? Услышу: рынок. Да, деньги застят глаза. С горечью вынужден признать: для многих религией стал материализм (от англ. money, деньги, и греч. θεός (теос), Бог). Не путать с монотеизмом – единобожием! Тягчайшего искушения – сребролюбием – не выдержал человек, сломался. Вспомним: Иуда (апостол!) предал Христа за 30 сребренников.

С любого телевизионного канала зывают: вы можете выиграть... (сумма зависит от состоятельности рекламодателей или еще от чего-то). Одним предлагают пропустить себя через детектор лжи, другим – посостязаться в эрудиции и смекалке, третьим... Самая читающая страна превратилась в самую считающуюся. Некая мысль, однажды прийдя в голову, теперь не оставляет меня и рисует жутковатую картину: прежде мертвецам прикрывали веки пятаками – сегодня пятаки закрыли взгляд на мир иным живым.

Не счастье, скольких приобщил к своему делу Савелий Ямщиков. Не счастье, сколько искалеченных душ он через это отреставрировал. Собственный, заключительный очерк Гуля Агишева назвала: «Савва, ты здесь?». Сделаем паузу, чтобы задуматься. Чтобы спросить вслед за автором:

– Где ты, Савва? Где вы, реставраторы России?! Вы так сегодня нужны!

Не дает ответа...

Дом Палибина на Плющихе – кое-кто, возможно, еще знает, как называли это чудом сохранившееся деревянное чудо. Здесь, в Научном реставрационном центре, работал Савва Ямщиков. Когда не мотался по российским городам и весям. Теперь это Дом без хозяина. Устоит ли?..

Фотографии Виктора Ахломова

Дни Бородина

Первым парнем на селе Иван Бородин стал в шестнадцать лет. Едва взяв в руки молот, он стал так виртуозно и мощно кузнечить, как будто век стоял у наковальни.

Непьющий и набожный, он весело подковывал лошадей, играючи делал бороны, тянул в дома электросвет, мастерил людям всякие домашние прилады – со странной легкостью и неизменным старанием.

ЛИЧНОСТЬ ДИКОВИННАЯ

Думается, селяне уже тогда интуитивно почуяли в нем личность диковинную, могучую, какие рождаются не всякий год и не во всяком месте. Дела ему были уготованы и впрямь великанские. Хотя он – нынешний, 75-летний – нет-нет, да вздохнет горько: «Ничего из меня не получилось...» Какой же страшной силы мерой мерит он себя, если, понаворочав столько дел на земле, считает себя ничемным...

В двадцать один год он лишился руки. Говорит: «Всё выдумка моя виновата...» Ладил в кузне один из первых своих механизмов, и отшибло ему два пальца. Врачи с остальными пальцами возиться не стали, и отрезали ему левую кисть целиком. В то время он принял решение совершенно – с нашей обывательской точки зрения – неадекватное: никогда не жениться.

– Я подумал: кому буду нужен с одной рукой? Никому не хочу быть обузой.

Наверное, то был единственный поступок, который невозможно уместить в голову. Решения этого он так и не изменил.

Такое упорство, такая отрешенность – от родительской крови. Мать, едва отнявши младенца от груди, стала растить его в предельно религиозных канонах: по средам и пятницам – ничего скоромного.

Этому он тоже следует до сих пор.

В тридцать лет он переехал в поселок Колпны. И вот здесь-то начинаются его Геракловы подвиги. Подвиги, долгое время абсолютно никому не нужные. Более того – почти всем мешающие.

ЗЕЛЕНАЯ БИТВА

Какая там обуза! Однорукий Иван Бородин наворотил дел, какие не под силу секретному конструкторскому бюро и инженерно-строительному батальону, вместе взятым.

Поселился он на колпнянской окраине, в халупе у пустынной лощины. Чтобы жить, нужен дом. Дом он решил сделать сам.

Чтобы делать дом, нужны материалы. Материалы – всякие там доски, рейки, косяки – он тоже решил делать сам, из диких бревен.

Чтобы эти доски и косяки, а также железные крючья, скобы, винты, перекрытия и что там еще, вышли не хуже покупных, нужны всяческие станки. Станки он опять же решил сделать сам.

Чтобы дом не стоял возле лощины одиноким, нужны деревья, лучше целый парк.

Бородин решил собственноручно посадить по обоим берегам полноценный парк, не хуже городского. Чтобы парк не был скучен, в нем должен быть пруд. Иван Федорович решил сделать дамбу.

Все эти фундаментальные дела он начал в семидесятых, практически одновременно, да еще к тому же исправно работая кузнецом на разных колпнянских предприятиях.

Когда он взялся возить на тачке землю для дамбы, всякий проходивший мимо считал своим долгом прокомментировать его затею и от души посмеяться над ним.

– А разные ответственные и вовсе умалишенным обзывали. Так что я стал возить землю по ночам...

Делал медленно и добротнo. Трубы для сброса воды уложил, а потом три раза их вынимал и поднимал на новый уровень, потому что пруд обещал получиться большим. Укрепил дамбу металлическими щитами и стержнями, так что в отличие от всех окрестных запруд ее ни разу по весне не прорвало.

Прочищенный родник быстро наполнил низинку, а над ней уже шли ряды саженьцев. Поперек них, по дамбе и на оба берега вверх, Бородин пустил «главную доминанту» – березовую аллею.

– Мои березки с большой красотой и точностью...

Действительно, точность – лучше кремлевской: все сто берез в линию, каждая на равном расстоянии, и каждая окольцована врытой в землю тракторной шиной (и где столько взял?)

В шинах также ряды красных дубов и буро-зеленой туи.

– И никто не помогал сажать?

– Не помогали – били. Три раза.

– За что?

– Им же коров хотелось тут пасти, а я лезу со своими деревьями...

Били, науськивали детишек ломать саженьцы. Но он всё-таки посадил этот

парк. Рябины, каштаны, липы, груши, ели, пихты... Двадцать семь пород!

И это – в полторы руки!

РАНЬШЕ БЫЛО ЛУЧШЕ

Лет через пять власть перестала грозно пучить глаза – и узаконила парк как зону отдыха. Остальные пять лет Бородин трудился тут уже под сдержанные голоса официального одобрения. У виска крутили лишь за его спиной.

– Смеялись, но помогали. Попросишь списанную трубу – привезут. Я ведь всё законно выпрашивал, ничего не воровал.

Ёлки-палки, они еще следили, не воруется ли он... Он, сделавший недоумевающему поселку миллионерский дар, в довершение установивший три пляжных грибка, турник, водоколонку, обнесший весь парк изящной оградой с красивейшими, ажурно выкованными воротами, которые сами по себе были произведением искусства.

Сейчас ни той ограды, ни тех ворот нет и в помине. Украдены.

За двадцать лет многое изменилось. Бородинский парк (его так и зовут, даже в докладах) сделался у праздных колпнянцев любимым местом развлечений, где и костерок у воды можно развести, и вдоволь посвилячить под мощными кронами.

Молодой соседка Олег, один из тех пацанов, что когда-то ломали березки, сидит на склоне у раскуроченной, безжизненной колонки, повинно клонит буйну голову:

– Иван Федорович – человек настоящий... Правильно он меня тогда гонял, хоть я, может, и не виноват был... А сейчас что? Гляньте, ни грибков, ни турника, ни фигур кованых...

– Раньше лучше было, – кивает Бородин.

Его битва на этом поле-косогоре закончена. Другие дела начаты – с тем же упорством и двужильностью, и с тем же размахом натуры.

САМ СЕБЕ РАД

Левши и кулибины – а, по сути, ведь и Бородин такой же – произрастают на нашей земле настойчиво и прочно, как татарник, всегда стоят на отшибе, всегда давят своим косматым цветом, своей колкой яркостью и государственной ненужностью.

А им государство тоже не нужно. Они сами себе рады.

И уж как рад себе Иван Федорович Бородин! Видя, что у гостей глаза на лоб полезли от количества (восемнадцать!) его добротнейших механизмов, он размяк и поплыл словами.

– Все из кусочков, и все собою придумано. У государства такого нет. Хоть какой металл клади – всё летит! У-у!

Каждому станку у него свой восторг:

– Гляди, циркулярка. О-ё-ё! У государственной один полук поднимается, а у моей вся нутрь.

К государственным агрегатам у него явная ревность, но ревность эта – с победной ноткой, со снисхождением.

Агрегаты – огромные и малые – помещены, понаставлены вдоль и поперек проходов, они почти лезут друг на друга. Их моторы, резцы, сверла и фрезы ездят на подшипниках по двухметровым направляющим швеллерам, насадки ставятся под любой размер, просвет и пролат.

– А это вообще у меня чудо-техника. Шипы режет, любое дерево скоблит, до-

ски распускает точно, потом как их приставишь – щёлки не видать. У-у!

Даже электротёрка у него – «У-у!», поскольку придумана им так могуче, что в минуту мешок хоть свеклы, хоть яблок протрет, сами видели.

– Всё с пыли делал...

Понятно, что при такой сноровке жиле себе он соорудил без особых хлопот.

– Ага, легче дом топором срубить, чем вон ту красоту навести...

И указывает на фронтоном у входа. Там некие амуры летящие, шары светящиеся, арочки, часики, стеклышки – всё цветное и яркое, словно театр-балаганчик.

– В прошлый год сделал. Дай, думаю, поставлю красивенькое. Всю зиму копался. Сначала вот ведь так придумаешь забавно, а потом мучаешься – а из чего делать?

Вопроса «как?» для него, похоже, просто нет.

РЕКОРДЫ И ВЕРА

Пухнувшая от скуки заграница придумала книгу рекордов – кто больше всех слопаёт макарон, кто дальше всех плюнет. Носятся с этой книгой как с писаной торбой. А у нас вся жизнь – рекорд.

– Да не надо это мне – удивлять. Я вот три прихода открыл – разве для дива?

Нам еще наш провожатый сказал: «Иван Федорович верует истово, но вот что странно – из Колпны куда-то на сторону молиться ездит.

Спрашиваю об этом Бородина. Он поясняет:

– Нужен я там сейчас больше. В Колпне уже и без меня службы идут. Десять лет назад – да, тогда я слово ска-

зал. Прихожу в исполком, говорю: «Отдайте вон тот дом под храм, там церковная сторожка раньше была». Они: «Не дадим, тут школа музыкальная». Я: «Под школу кабинеты свои сдайте, а тут дети молиться должны. Не дадите – завтра же у вас на порожках начну голодовать».

– И что?

– Назавтра и отдали сторожку под приход.

Стали колпнянцы ходить на молебны, а Бородин принялся ездить за двадцать километров в село Фошня, тамошнюю церковь восстанавливать, рамки на алтарь делать.

Потом новая забота – тоже неблизкий Белый Колодезь, в котором стоит разрушенная фамильная церковь известного исторического художника Шварца. Самодетально возродить эту церковь, конечно, не под силу, но и в этом селе теперь идут службы в одном приспособленном здании. Неуёмный мастер закупает для здешних церковных нужд иконы, свечи, масло...

Многие верующие понимают: нынешние церковные усилия Ивана – под стать тем, прудово-парковым. Те же размах, всепоглощение, вера.

Вера – несмотря ни на что.

Его парк зарастет и одичает. Его фронтоном покоробится, станки проржавеют, поделки сгниют. Прихожане и школьники забудут о нем – забывается всё, даже материнский взгляд. А вот в церквушки, скроенные и слаженные им, народ будет и будет идти. И потому, хоть быть забыту – всем, но Бородину все же позже прочих.

*Иллюстрации
Евгения Беликова*

И пруд, и храм, и дом – все одной рукой одного человека

Делать добро – это профессия

Сейчас очень многие люди пытаются помочь заниматься благотворительностью. Однако со временем у большинства энтузиазм гаснет. «Чтобы по-настоящему приносить добро, нужно делать его профессионально. И не кричать о том, что вот все погибло. А осмысленно подсказывать, что же нужно делать, чтобы исправить ситуацию. Государство сейчас готово сотрудничать», – говорит воспитанник детдома писатель, журналист, общественный деятель Александр Гезалов. Один из тех немногих людей, которые занимаются делами милосердия без перерыва, в течение десятков лет. С ним беседуют Андрей Кульба и Дарья Телегина.

– Вы автор автобиографических книг «Соленое детство», «Преодоление», в которых вспоминаете о своей полной жестокости жизни в детдоме. Можете объяснить, почему в детских домах творится такое?

– Дети в детдоме не могут быть добрыми по определению, там идет постоянная борьба за ресурсы, за внимание, за иерархию. Если бы люди ясно представляли, что детский дом – это по сути своей тюрьма, подобных учреждений не было бы. Там вырастает совсем другой тип ребенка: ребенок-боец. Он бьется со всеми, и кого даже не знает. Он резко взрывной, ибо знает, что получит все, если успеет взорваться первым, а второй уже ничего не получит. Жесткость, а не диалог – вот чем отстаивают свои права в мире детского дома. Но взорвешься по привычке в обычной жизни – тебе скажут: пошел вон, ты не адекватен, в тюрьму тебя! Ребенок из детского дома оказывается нежизнеспособен в обществе, где надо уметь выстраивать диалог. Как тюремная зона не место для человека, потому что там он не исправляется, а становится еще большим преступником, так и детский дом не место для ребенка.

Мой трехлетний сын уже сейчас проходит школу жизни, наблюдая, как общаются между собой его мама и папа, какие у нас отношения, вот у мамы пузик – она ему родит сестричку и т.д. Он получает базовые знания естественным путем. А в границах даже хорошего детского дома это невозможно. Потому что ребенок не видит основного: отца и мать, отвечающих за свою семью. Да, там попада-

ются добрые люди. И что дальше? Все равно это не родители.

Наша система, занимающаяся проблемой «ребенок в семье», ущербна. Как только ребенок выпадает из семьи, должна стоять куча «рекрутов» – семей, готовых принять его, пока с той проблемной семьей работает государство. Но государство с ней не работает, оно просто переносит ребенка в детский дом, а семья остается наедине со своими проблемами. Лишать родительских прав, я считаю, в принципе нельзя. Это может только Господь, государство же должно любыми способами сохранять семью.

Учитывая, сколько средств тратится в России на благотворительность, эту систему давно можно было бы отстроить. Однако некоммерческие организации пляшут вокруг детдомов, покупают игрушки, красят заборы вместо того, чтобы помогать семьям, оказавшимся в трудном положении, чтобы на эти же деньги остановить «переселение» детей в детские дома.

– Говорят, у католиков куда более эффективная система благотворительности.

– У них, если человек взялся, то он этим постоянно и занимается. А у нас добротой легко может уехать куда-нибудь, скажем, в летний лагерь. Значит, работа на это время останавливается. Есть сестры милосердия, которые непрерывно несут свой крест, но их крайне мало. У нас часто ударяются в стихийную благотворительность: «Ну что там?! Старушку с пролежнями надо перевернуть? Бомжей покормить? С детьми в детдоме позаниматься? Да запросто!». Это от нашей страстности. Но на эмоциях далеко не уедешь, и со временем энтузиазм у 99 процентов благотворителей гаснет. Оказывает-

ся, чтобы старушку перевернуть, надо сперва глубоко внутри себя что-то перевернуть.

– Вы пишете, что 26-летний человек – это готовый обвинитель государства. Почему Вы так считаете? И в этом контексте, как Вы относитесь к нынешней суеде вокруг прав ребенка?

– После тех мытарств, которые испытывает ребенок после детского дома, я могу подать в суд на государство. Я могу выступать обвинителем государства, которое меня извело из семьи, разрушило все, а потом пыталось меня уничтожить, чтобы скрыть следы. Я могу выступать обвинителем государства в том, что оно неправильно относится к детям, к их правам, к правам родителей. Я заявляю это ответственно.

Права детей должны быть незыблемы в рамках семьи. Все, что за ее рамками, – это уже не норма, а преступление. Детских домов, повторяю, быть не должно, возможны какие-то другие формы, но только не существующая система. Почему Макаренко прекратил свою практику в 39 лет? Он понял, что детей нельзя держать в строю.

После белофинской войны много детей осталось на улицах, без призора. Заимствованная у финнов же система быстро распределила их по своеобразным детским домам. А через четыре года всех детей разобрали в семьи родственники, друзья, однополчане. Пятьдесят тысяч детей в течение четырех лет, и это после войны! Как видите, даже в то время можно было устроить детей в семьи.

Почему в дореволюционной России сирот практически не было? Как только что-то случалось, трагедия, дом сгорел – их тут же принимали в семьи. Сейчас же ничего этого нет. При любой

кризисной ситуации предпочтительнее отправить ребенка в детский дом. Кое-какие изменения есть, государство идет навстречу, но где-то – да, а где-то – нет. Должна быть четкая семейная политика, тогда не будет этого соленого, горького детства у детей.

– Какие качества должны быть у людей, которые решили усыновить ребенка из детского дом?

– Чтобы воспитывать такого ребенка, я убежден, должен быть, помимо профессиональных знаний, некий Божий дар. Если его нет, все бесполезно. Эта наука вообще далеко не всем дается. Многие семьи и не подозревают, что именно они могли бы по-настоящему помочь детдомовцу. Не импульсивно, не под воздействием эмоций, а именно по-настоящему, по-родительски. Здесь нужна помощь опытного специалиста, который, тщательно изучив семью, мог бы сказать, возможно ли подселить им, например, восьмого ребенка. Это действительно некая Божья данность – умение принять чужого ребенка и вести его дальше по жизни. Вести не через подавление или борьбу, а через любовь, милосердие, сострадание.

– Это проблема родителей. А у детей? Что самое сложное для них?

– Основная проблема у приемных детей – принять чужих родителей, впустить их в себя. Ни в коем случае нельзя заставлять забыть свою прежнюю семью или скрывать, что ребенок усыновленный. Он должен знать и почитать своих родителей, иначе как он сможет уважать незнакомых людей?

– Чем Вы сейчас занимаетесь?

– Мы помогаем детдомам подготавливать детей к самостоятельной жизни. Мы – это целая команда людей – студия социального проектирования «2ГА». Работаем с детскими домами, с выпускниками, с коллективами, с православными приходами, с государством. Стараемся укрепить в общественном сознании понимание, что такое государство, кто мы в государстве, как с ним взаимодействовать, как с ним работать; как сделать так, чтобы государство менялось, и т.д. Это огромная работа, она и практическая, и просветительская, где-то лоббистская, где-то иногда презентационная, в общем, многослойная.

Например, у иных социальных групп появляется иждивенческое на-

строение: «мне все обязаны, мне все должны». А ведь можно и самому много чего сделать. Прежде всего, повисить свою профессиональную компетенцию. В Европе на семью – муж и жена – приходится порядка восьми видов образования. В России – один-два, максимум три. А чем больше у семьи знаний, тем больше возможностей адаптироваться к часто меняющимся жизненным реалиям. Наши семьи занимают, в основном, выжидательную позицию. Вот у нас с Анной, моей женой, на двоих – шесть образований. У нее два высших, у меня одно высшее, но при этом у меня еще специальные образования, позволяющие мне починить унитаз, решить вопросы по отделке, провести свадьбу, поработать в магазине продавцом, поработать в школе замдиректора по воспитательной работе. Мне не зазорно пойти и дворником. К сожалению, большинство людей хочет сразу министерские должности.

Мы опекаем некоторые многодетные семьи – помогаем одеждой, памперсами, транспортом. Даже тем, кто не стонет: «Дайте!». Я четко понимаю, какой семье чем нужно помочь. Папа, например, работает на тракторе, мама сидит с ребятишками и ведет хозяйство. Самым необходимым они своих 12 детей обеспечивают. Но ведь детям нужны сладости и радость какая-то, и мы стараемся в этом помогать. Но если мы начнем заваливать подобную семью вообще всем, то мы их просто угробим, они сядут и станут говорить: «Ребята давайте еще, еще».

Помимо помощи семье, мы стараемся двигать и общество, и государство. К примеру, я сейчас включился в работу в Общественной палате и состою в рабочей группе по социальным стандартам и услугам. В России до сих пор нет такого понятия, как «стандартная услуга», это не закреплено, не описано. А раз так, трудно конкретно помогать и еще труднее – контролировать. Казалось бы, семья – главный институт государства – и по закону, и по конституции. Но фактически это не так. Можно, конечно, писать разгромные статьи про негодяев вокруг, как большинство и делает. Потому что это удобно. А я считаю, что лучше вырабатывать правоприменительные меры, чтобы как-то вопросы эти решались. Для этого надо грамотно с государством раз-

говаривать. Не орать: «Вы негодяи! Всех чиновников посадить!» Мы, общество, имеем некие проблемы, давайте попробуем вместе их решить. Нужна своего рода демаркационная зона, где нет пальбы, где можно договориться.

– Многие люди пытаются заниматься благотворительностью, но рано или поздно сгорают, ожесточаются. Как Вам удается не выгорать?

– Если ты будешь постоянно в этом огне, ты там и сгоришь. Я отчетливо осознаю, что если буду постоянно находиться в этих рамках, меня надолго не хватит.

У меня есть моя основная работа: писать, выступать, создавать. Есть моя жизнь: друзья, спорт, семья. Я не иду в детский дом, но я знаю, что нужно сделать вовне, чтобы детский дом был другим, чтобы добровольцы были другими, чтобы благотворители были другими, чтобы в этом деле мужчин было больше, чем женщин. Знаете, что на самом деле может сделать женщина-благотворительница? Взять и привести в детский дом пять мужчин. Есть «муж на час», а это будет «воспитатель на час». Впятером они сделают больше, чем весь коллектив детского дома.

Это же просто – прийти в детский дом не как спонсор, а как тренер. Вылезти из джипа, взять мячик и пойти играть с детьми. Это может даже простой мужик, богатый-бедный, какая разница... Научить их чему-то: бежать, ловить рыбу, работать в команде, вместо того, чтобы покупать пятьсот телевизоров. Отдай себя. Вот и все.

СКРЕПЫ

Живи каждый день так, как будто бы ты должен каждый день умереть. Если можно умереть всякий час, то всякий час и должно быть готовым к смерти. Будь всегда таким, каким желаешь быть при кончине.

*Святитель Игнатий
(Брянчанинов)*

Сотворено на вере, любви и труде

Когда я читала книгу, которая сейчас лежит передо мной, мое сердце замирало не раз. Поэтому я с особой радостью хочу поделиться этим открытием, тем более что именно открытием можно назвать знакомство с именем Николая Николаевича Неплюева, с его богословскими трудами и основанным им Крестовоздвиженским православным трудовым братством.

Долгие годы имя этого человека было забыто, хотя его литературно-богословское наследие заслуживает глубокого внимания. Известный историк церкви профессор протопресвитер Виталий Боровой сказал в своей проповеди на одной из пасхей Великим Постом 1977 г.: «Наши богословы и религиозные мыслители XIX-XX веков – Хомяков, Соловьев, Достоевский, Неплюев, Несмелов, их учение, их религиозная философия – это та закваска, на которой сейчас растет, ширится и обретает силу христианская мысль»¹.

Н.Н. Неплюев (1858-1908) был одним из крупнейших помещиков своего времени. «По окончании в 1875 г. юридического факультета Санкт-Петербургского университета, он был направлен в Мюнхен для работы в императорском посольстве. В 1877 г. он оставил карьеру дипломата и поступил вольнослушателем в Петровскую

¹ Проф.-протопр. Виталий Боровой. Быть свидетелями Христа. Проповеди. – М.: Свято-Сергиевское братство, 2006. – 248 с.

сельскохозяйственную академию. После окончания академии он вернулся в свое имение... и начал с того, что взял на воспитание десять детей из беднейших семей»². Так зародилась будущая Воздвиженская школа. Выпускники ее стали первыми членами Крестовоздвиженского православного трудового братства, с которым Н.Н. Неплюев связал всю свою жизнь.

Жизнь братства строилась на трех основных принципах:

- *Вера*: в Бога Живого и в то, что общинная жизнь есть воля Божья.
- *Любовь*: верность и стремление остаться вместе вопреки всему, что разъединяет.
- *Труд*: качественное исполнение своих обязанностей ради общей пользы и благородство добровольной дисциплины любви.

После революции 1917 года (Н.Н. Неплюев скончался в 1908 году) братство пыталось выжить в новых условиях. Однако в 1925 году были репрессированы наиболее активные его члены, а в 1929 году оно было окончательно уничтожено советской властью.

В начале XX века многие церковные деятели и представители интеллигенции отмечали необходимость перемен в жизни Церкви. В статье «Голос верующего мирянина по поводу предстоящего Собора» Н.Н. Неплюев предлагает свою программу оздоровления церковной жизни для рассмотрения ее Поместным собором Русской Православной Церкви.

Эта работа и цикл его лекций под общим названием «Путь веры» составили содержание первой книги серии «Беседы о братстве», выпущенной издательством «КПЦ «Преображение». Следом вышла вторая книга этой серии, включившая в себя одно из лучших сочинений Н.Н. Неплюева – «Беседы о трудовом братстве».

«Частное письмо священнику Иванову», до нынешнего времени нигде не переиздававшееся, рассматривает практические вопросы устройства жизни на братских началах, раскрывает

² Из работы Игнатович Н. «Исторический очерк деятельности Крестовоздвиженского Трудового братства, основанного Н.Н. Неплюевым (1889-1929гг.)».

пути преодоления разделения и непонимания в братской среде, основываясь на принципах христианской любви, веры и послушания.

Только что вышла третья книга из серии «Беседы о братстве», которая включает в себя *два отчета* Н.Н. Неплюева, блюстителя Крестовоздвиженского православного трудового братства, *о религиозно-нравственной жизни братства*, охватывающие период от его основания 4 августа 1889 года по 14 сентября 1899 года. Жизнь Н.Н. Неплюева сама по себе является проповедью Христа и христианской жизни.

В следующем номере «Лампады» мы собираемся подробно рассказать об этом замечательном человеке и основанном им Крестовоздвиженском православном трудовом братстве.

Неплюев Н.Н. Путь веры. Голос верующего мирянина по поводу предстоящего Собора. – 2-е изд. – М.: Межрегиональная общественная организация «Культурно-просветительский центр «Преображение», 2010. – 256 с.

Неплюев Н.Н. Беседы о трудовом братстве. Частное ответное письмо священнику Иванову. / М.: Межрегиональная общественная организация «Культурно-просветительский центр «Преображение», 2010. – 390 с.

Неплюев Н.Н. Отчеты блюстителя о жизни трудового братства. Ч. 1. / М.: Межрегиональная общественная организация «Культурно-просветительский центр «Преображение», 2011. – 224 с.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<u>ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ</u>	2	Николай Рубцов	
<u>ПРАВОСЛАВИЕ – НАША НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ?</u>		Стихи разных лет	22
<i>Иерей Андрей Никольский</i>		<u>СТРАНА КРАСОК</u>	
Единство при многообразии	3	<i>Дмитрий Шеваров</i>	
<i>Алексей Варламов</i>		«Сей ветхий дом, сей сад глухой...»	24
Православие и национально, и наднационально	6	<u>ЛАМПАДКА</u>	
<i>Анкета «Лампады»</i>		<i>Владимир Кудрявцев</i>	
<i>Лариса Беляева</i>		Рассказы и стихи	28
Скажите, пожалуйста	8	Молитвослов для детей	31
<i>Даниил Семикопов</i>		<u>МИР ВОКРУГ НАС</u>	
Русская идея:		<i>А.И. Шкурко</i>	
Стояние в православной вере ради спасения	10	Преданный подвижник	32
<u>ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ</u>		<i>Валентин Курбатов</i>	
<i>Иерей Михаил Шполянский</i>		Стопник	32
За что или для чего?	14	<i>Павел Демидов</i>	
<i>Дела и люди нашего прихода</i>		Где вы, реставраторы России?!	33
<i>Евгений Борисов</i>		<i>С верой по жизни</i>	
Признание профессионалов	17	<i>Людмила Бутузова</i>	
<i>Евгений Борисов</i>		Дни Бородина	34
«Лампада» освещает дорогу к знаниям	18	<i>Александр Гезалов –</i>	
и учит правильной жизни		<i>Андрей Кульба, Дарья Телегина</i>	
<i>Лариса Беляева</i>		Делать добро – это профессия	36
Искусство гобелена... и прекрасная Елена	19	<i>Для вашей библиотеки</i>	
<u>СТРАНА СЛОВ</u>		<i>Юлия Антипина</i>	
<i>Дмитрий Шеваров</i>		Сотворено на вере, любви и труде	38
Он слышал печальные звуки,	20		
которых не слышал никто			

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Верстка И.В. Бухаровой

Корректор Т.В. Глазкова

Фото В. Монастырева на обложке:
Храм в честь 1000-летия
Крещения Руси (Москва, Орехово)

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
8-926-105-1054

www.znamenie-hovrino.ru

Регистрационный номер А-0275
Выход в свет 10.03.2011
Цена свободная

Издается на добровольные пожертвования
Приход храма иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине, город Москва.
Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени типографии им. Скворцова-Степанова
ФГУП Издательство «Известия»
Управления делами Президента РФ

Генеральный директор
Э.А. Галумов

127994, ГСП-4, г. Москва, К-6,
Пушкинская пл., 5

Контактные телефоны: 694-3636,
694-3020

e-mail: izd.izv@ru.net

Тираж 1200 экз. Заказ № 1143
© Лампада, 2011

ЛАМПАДА

в Вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ
www.znamenie-hovrino.ru

Рекомендовано Синодальным информационным отделом Московского Патриархата

Выписать журнал «ЛАМПАДА» можно
в любом отделении связи

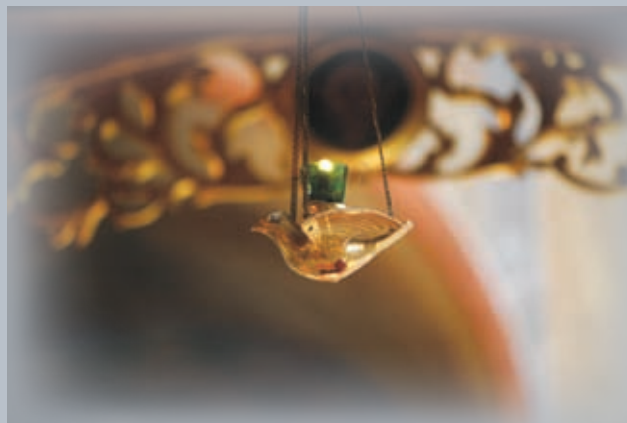
Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – **43570**

Подписной индекс в Каталоге «Почта России» – **16594**

На «ЛАМПАДУ» можно подписаться и
непосредственно в редакции. Позвоните:
8 916 388 4188 или
8 926 105 105 4

Журнал также можно купить или подписаться на него с помощью Издательского дома «Димитрий и Евдокия»

телефоны: 8-916-150-1140
(495) 676-5720
(495) 410-2194

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Всех Святых в Красном Селе (б. Ново-Алексеевского монастыря),
2-й Красносельский пер., 7
св. мц. Татианы при МГУ, ул. Б. Никитская, 1
Успения Пресвятой Богородицы в Путинках,
Успенский пер., 4
Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском, ул. Крылатские Холмы
вмч. Георгия Победоносца в Коптеве, Б. Академическая ул., 33
св. блгв. царевича Димитрия при Голицынской (1-ой Градской) больнице, Ленинский просп., 8, корп. 5
Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском, ул. Церковная Горка, 26а

Троицы Живоначальной в Хохлах, Хохловский пер., 12
Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке, Газетный пер., 15
иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами, 1-й Колобовский пер., 1, стр. 2
Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово (г. Долгопрудный) ул. Парковая, 2
Подворья Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 2-я Тверская-Ямская ул., 52
Сретенского ставропигиального мужского монастыря, ул. Б. Лубянка, 19, стр. 1
Новоспасского ставропигиального мужского монастыря, Крестьянская пл., 10

Просим помолиться о здравии жертвователей рабов Божиих Александра и Светланы